

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПОРОЧНОЕ
САНДРА БУШАР
ВЛЕЧЕНИЕ

Сандра Бушар
Порочное влечение

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бушар С.

Порочное влечение / С. Бушар — «ЛитРес: Самиздат», 2017

История о том, как, решив помочь умирающему на улице мужчине, ты обречешь себя на участь рабыни без права голоса и возможности уйти. Для обложки использовано фото автора LightField Studios, Shutterstock. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	37
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пролог

Полина. Будущее...

Секунда – вот что отделяло меня от неминуемой участи. Я знала, что будет, постучи я в дверь передо мной, но не могла послушаться. Это моя работа. Обязанность. Долг. А он – мой Хозяин, который не даст уйти.

Деревянная дверь, обведенная золотой каемкой по краю небольших квадратных выступов, стала для меня настоящим символом предстоящего унижения и порока. Сделав два уверенных стука, приглушенных сбивчивым дыханием и громко стучавшим сердцем, я дождалась жесткого и властного:

– Входи, – вот так, фамильярно, без боязни осуждения, Он обратился ко мне, впуская на свою территорию. – Поставь поднос на стол.

По черному паркету звонко стучали шпильки, создавая нужную Ему атмосферу. Поднос с кофе в моих руках дрожал, но не из-за неуверенных шагов (напускной уверенности я научилась давно), я знала, что дело не закончится только кофе. Я не смогу уйти, когда поставлю ему чашку на стол.

Замешкавшись лишь на секунду на большом кроваво-красном ковре, сделала первый шаг в бездну, в которую окуналась уже бесчисленное количество раз. Глаза должны быть всегда опущены, когда я прихожу к Нему, поэтому я не могла понять, смотрит ли он на меня, что чувствует и чего хочет. Хотя что это чудовище может чувствовать? У него нет эмоций. Он – бездушный робот, созданный высасывать из людей всякий интерес к жизни, пробуждающий в них худшие пороки и усыпляющий рассудок. Что уж говорить, он умел включать в человеке животное нутро. Даже во мне, как бы ни претила эта паскудная мысль.

– Нет, – стальной голос разрушил гнетущую тишину, подтверждая худшие опасения, что кофе – это лишь предлог. – Поставь его прямо передо мной. Я не собираюсь тянуться за ним через весь стол, Полина.

Он откатился на красном кожаном кресле от стола, предоставляя мне возможность подойти к его рабочему месту. Видимо, разогнался слишком сильно, так как я услышала, как кресло ударилось о стеклянную стену многоэтажного холдинга.

Руки привычно дрожали непонятно от чего: сладкого животного предвкушения или очередной дозы унижения, которая растирает мое сердце в порошок снова и снова... Ха... Сердце? А у кого из нас оно осталось?

– Ниже, – хриплый голос Хозяина раздался, когда я поставила белую чашку на красный коврик, немного наклонившись. – Наклонись ниже. Ну же, детка, давай...

Смысла отпираться или бежать не было. Он догонит. Он возьмет свое. Выгнув спину, я выставила напоказ попу, обтянутую кожаной юбкой с высоким разрезом сзади. Белая блуза с глубоким вырезом резко стала мне мала, а дыхание стало сбивчивым и нестабильным, то совсем пропадало, то становилось учащенным.

– Умница, – гортанно прохрипел он, и я услышала, как спинка стула откинулась назад. – Выгнись сильнее... Постарайся для меня...

Выгнув спину до спазма в мышцах, я крепко сжала край стола, когда услышала, как Хозяин встал и направился ко мне. Тихие и спокойные шаги становились все громче по мере приближения, затем полка сбоку открылась, и он достал оттуда длинную плетть. Обычно он использовал ее, когда я провинилась. Что же сегодня не так?

– Ты была плохой девочкой, – подтвердил мужчина мои опасения и одним резким движением поднял юбку до самой талии. На мою полуголую благодаря стрингам и чулкам попу упала массивная мужская ладонь, сжав крепко, жадно, властно... – Мне нравятся твои чулки. Эта полоска по всей длине сзади выглядит очень сексуально... А теперь раздвинь ноги, – после-

довав его приказу, я тут же услышала, как воздух рассекает большая и увесистая плеть, окутывая меня приступом жгучей боли и горячего предвкушения. Стараясь не издать ни звука, я вцепилась еще крепче в края стола, прикусив губу. С каждым ударом зубы все глубже входили в мягкую кожу, пока струйка крови не потекла вниз, капая одинокой каплей на девственно-белый лист бумаги. – Да, детка... Хочешь еще? – я промолчала, поэтому он откинул плеть куда-то в сторону и плотно прижался ко мне всем телом, демонстрируя, как сильно он возбужден и готов к сексу прямо сейчас. Его правая рука нежно провела по чувствительной коже ягодиц, а затем медленно проникла прямо в половые губы, изучая и раззадоривая меня, пока вторая быстро нащупала грудь, высвободила ее из лифа и вытащила поверх одежды. – Ты как всегда течешь... Черт, как же я хочу тебя...

Услышав, как расстегнулась молния на брюках, я мысленно напряглась, стараясь игнорировать тепло, разлившееся внизу живота. Одна его рука умело массировала мой клитор, а второй он уже пристраивал свой огромный член к моему анальному отверстию. Так было всегда – он получал удовольствие, а я должна была терпеть.

Затем что-то изменилось, и он резко передвинулся немного ниже и грубо вошел в мое лono, заставляя крик облегчения предательски вырваться из моих губ. Секс с ним был как наркотик – я бы отдала все за еще один раз, но между тем не переставала себя ненавидеть и корить.

– Тебе нравится? – изо всех сил прижимая меня за бедра к себе, входя до предела, выдохнул он мне в самое ухо. Да, черт побери, мне нравилось. Еще как! Но он, лживый ублюдок, никогда об этом не узнает! – Скажи мне это! – словно читая мои мысли, прошептал он, а затем усилил толчки, заставляя слезы, копившиеся все это время, брызнуть из глаз и признать тем самым мою полную капитуляцию. Его руки опустились к моим уже набухшим соскам и принялись сдавливать, выкручивать, задевая чувствительные точки, заставляя погрузиться в процесс еще больше и томительно выгнуть спину. – Хорошая девочка... А теперь скажи, что ты чувствуешь, – его свободная, направляющая мои бедра на себя рука переместилась на чувствительный клитор и принялась выводить на нем аккуратные и медленные узоры, из моего горла вырывался гортанный, полный животных чувств стон. После меня прохрипел он, убрал руку с груди, крепко схватил за шею и жестко, требовательно прошипел сквозь зубы, вонзая в меня член с такой скоростью, что до потери сознания оставалось совсем недолго: – ГОВОРИ! Или я не дам тебе кончить.

– Нет! – дерзко выдохнула я, понимая, что, если бы не его крепкая хватка, давно бы уже рухнула на стол. – Ты никогда от меня этого не услышишь! Понятно?

Я чувствовала, как внутри, словно гитарная струна, натягиваются все чувства и пульсируют к моему клитору и его члену, который с каждым ударом заставляет меня кричать сквозь стиснутые зубы.

Оставалась всего минута до разрядки... Минута... Я могла бы как обычно собраться и уйти... до следующего раза. Но не сегодня.

Он резко остановился, вышел из меня и отпустил, разрешив упасть на стол, заваленный контрактами. Что-то горячее и ароматное потекло по моему животу, видимо, кофе я все же разлила...

– Повернись ко мне, – отдал приказ мужчина, но когда я не послушалась, сам поднял меня и развернул к себе лицом, посадив на стол. Мне не хотелось смотреть ему в лицо. Я не должна... Темные круги все еще бегали перед глазами, когда он нежно взял мой подбородок в свои руки и приподнял так, чтобы наши глаза встретились. – Скажи мне это. Прошу...

Что он хотел он меня услышать? Что рядом с ним я теряю себя? Что за секс с этим моральным уродом готова родину продать? Что от его унижительных слов и действий текут как последняя сука? Нет, от меня он этого точно никогда не услышит!

– Эй, ты чего? – предательские слезы снова хлынули из глаз, и я поспешно отвернулась. В этот раз мне никто не мешал, и я могла спокойно смахнуть их с лица. В тоже время мужчина нежно прикоснулся руками к моей голове, успокаивая, и начал притягивать меня к себе. Его мягкие губы покрыли поцелуями глаза, щеки... Я издала стон наслаждения – да, именно этого мне сейчас и не хватало... – Что же ты со мной делаешь, мышка.

Его поспешное движение левой руки и мои ноги уже обвивают его талию. Толчок – и его толстый, массивный член уже полностью вошел в меня, задев все нужные точки, заставив снова выгнуться, получить свою дозу наркотика и попытаться откинуться на стол.

– Нет, – прошипел он мне прямо в губы, прижимая так крепко и сильно, что я чувствовала его дыхание, как свое. – Я хочу чувствовать тебя каждой клеточкой своего тела... Мы должны стать одним целым... Я скучал по тебе... Моя мышка... Только моя... Только! Я никому тебя не отдам!

Эти слова действовали как самый сильный афродизиак, заставив меня дойти до разрядки быстрее, чем обычно. Наконец, тяжелый сгусток скопился в самом низу живота, и я вцепилась ногтями в спину мужчины, как в спасательный круг, а затем громко закричала. Спустя минуту он сделал решающий толчок и плотно прижал меня к себе с пугающими и одновременно будоражащими словами:

– Я же люблю тебя, мышка... С ума схожу... Неужели ты не понимаешь этого? – в каждом слове было столько боли, мучения, усталости, что я невольно дернулась, стараясь ненароком не выдохнуть и не испортить момент. Мужчина попытался снова повернуть мое лицо к себе, но в этот раз я проявила характер и не дала. Его тяжелое дыхание обдало мою мокрую шею и немного попало на грудь, после чего он снова обреченно сказал, словно не своим голосом: – Я не верю, что ты ничего не чувствуешь. Этого не может быть. Ты хочешь меня так же сильно, как и я тебя. Ты тоже любишь меня. Ты ведь сама говорила совсем недавно... Неужели что-то изменилось?!

Так вот что он хотел от меня услышать?! После того как он подкупил мое животное нутро, собирался еще и убить все человеческое, что во мне осталось? Неужели он не понимает, что, скажи я это ему, буквально признаю свою убогость на бумаге и поставлю кровавую подпись? Нет, дорогой, ты этого никогда больше не услышишь...

Внезапно мужчина резко отстранился от меня, вытаскивая горячий и снова готовый к повторному раунду член. Не понимая такой резкой перемены настроения, я бросила взгляд на него и не увидела ничего, кроме холодной маски, которая всегда была на его лице, исчезая иногда во время секса, и сейчас, во время его лживого признания. Помимо воли я восприняла такую перемену настроения как подтверждение своей теории – это очередная его игра, в которой я – кролик, а он – удав. Последующий холодный приказ только укрепил эту мысль:

– Вон! Подготовь отчет и свободна! Можешь проваливать из корпорации, как ты и хотела! – на секунду я замешкалась, пытаюсь одернуть юбку, подобрать упавшие на пол стринги и застегнуть липкую от кофе блузу одновременно, но он бросил на меня невидящий взгляд, словно теперь перед ним стояла не девушка, которую он только минуту назад трахал, а предмет мебели. – Я сказал: вон отсюда! Или ты забыла, что бывает, если послушаться меня? Мне снова достать плеть?

Бросив на мужчину полный ненависти взгляд, я резким движением оттянула юбку и стянула края блузы. Сейчас вечер, все равно на этаже никого, кроме охраны. А потом я могу накинуть пиджак...

Быстро стуча каблуками к выходу из кабинета, я позволила себе невиданную роскошь, за которую мне, возможно, придется еще расплатиться – хлопнуть дверью.

Глава 1

*"Темнота может скрыть деревья и цветы от глаз,
но она не может спрятать Любовь от души".*

Джебран Халиль Джебран

Полина. Наши дни...

День обещал быть солнечным и ясным. Пятница, тринадцатое число, пошла не по вселенскому плану, а складывалась очень даже удачно. Меня, едва закончившую именитый университет девушку девятнадцати лет, приняли на работу в самую крупную корпорацию в нашей столице – “ZoMalia Industries”. Эта компания имела самый широкий спектр услуг, но конкретно я планировала быть юристом “ZoMalia line”, мобильного провайдера, обеспечивающего всю страну 5G.

Вы представляете, что такое получить подобную должность ничего не имеющей за спиной выпускнице школы-интерната для девочек "Люси"? Думаю, слабо... Что такое, когда каждый день даже самые близкие и родные люди, которые воспитали тебя и вырастили – нянечки, учителя, воспитатели – повторяют тебе, что мы все отбросы общества и "никому не нужные бляди". Единственным доступным вариантом для меня было грызть гранит науки. И не просто на "отвали", а так, чтобы кто-то заметил Полину Мышку, то есть меня, и сказал: "Черт побери, эта девушка должна работать, ну, или учиться у нас!"

Так и вышло... Как сейчас помню, к нам в группу пришла директриса Тамара Васильевна и несвойственным ей спокойным сладковатым голосом пролепетала:

– Дорогие дети, сегодня в нашу школу-интернат приехал Валерий Николаевич. Он является заместителем директора компании “ZoMalia Industries”, которая каждый год выделяет десять бюджетных мест для одаренных детей в лучших университетах страны. Он просмотрит ваши презентации на вольную тему и выберет одного счастливчика из нашей школы, обеспечив ему стипендию и стопроцентную скидку на обучение. Естественно, будут учтены результаты ЕГЭ и общая успеваемость, но выбирать будут только из отобранных этим distinguished мужчиной детей.

Валерий Николаевич смерил Тамару Васильевну презрительным взглядом, как будто говоря: "Что ты несешь, женщина? Я еще ничего тебе не обещал", а затем проследовал на почетное место посреди класса, выделенное специально под его жирную задницу.

Все мечтали выделиться, все готовились, никто не хотел упускать шанс на безбедное будущее. Кто-то подготовил тему «Я и природа», кто-то копнул поглубже, в «Социально-экономическую структуру России», ну а когда я зачитала свою тему, все просто выпали в осадок, а Валерий Николаевич наконец увидел во мне человека, а не просто предмет интереса.

– Метод контрольных переменных и Винеровский хаос для задач снижения дисперсии, – гордо зачитала я, понимая, какое сильное это произведет впечатление на моих одноклассников. Закончив получасовую презентацию своей работы, я под открытые рты и неуверенные аплодисменты вскинула подбородок и сказала: – Спасибо за внимание! Есть вопросы в зале?

Оживившийся Валерий Николаевич растерянно потянул руку вверх, словно скромный пятнадцатилетний школьник, и неуверенно, с плохо скрываемым восхищением спросил:

– Столько вам лет, юная леди?

– Тринадцать.

– Вы же понимаете, что это тема курсовой работы для выпускников университета? Нечто подобное я уже слышал от аспиранта во время защиты в Бауманке, но ваш взгляд на ситуацию более нов и свеж...

– Более чем! – едва скрывая улыбку, уверенно ответила я на его первый вопрос и прижала папку в руках до невозможности плотно к тонкому черному платью-форме.

– И как же вам удалось ее подготовить в школе... – он презрительно обвел глазами наш класс, – подобной узкой специализации? Возможно, вы "слизали" ее с интернета?

Эта мысль так сильно ударила мне под дых, что я сделала шаг вперед, гневно прошептав ему:

– Вы можете проверить ее, современные технологии позволяют, но уверяю Вас, эта научная работа не имеет ничего общего с тем... бредом, что я нашла в интернете, когда готовилась к уроку.

Мужчина задумчиво открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, а затем издал короткое и лаконичное слово, с которого и можно начать эту историю:

– Блестяще... Но я все равно все проверю! – после чего, потеряв ко мне какой-либо интерес, он повернулся к классной и холодно осведомился: – Какой это класс?

– Девятый, – тут же выдала ему не менее ошарашенная учительница, смотревшая на меня такими глазами, словно видела впервые, – Через месяц она заканчивает нашу школу и уходит в ПТУ.

– Какое ПТУ?! – Валерий Николаевич в припадке гнева схватился за те три седые волосины, что у него остались, а затем вскочил с места и, взяв себя в руки, быстро направился к выходу. – Готовьте ее документы, я сам лично позабочусь о ее переводе в МГТУ имени Баумана. На конкурс это никак не повлияет, считайте, что это бонусное место.

Вот так, не закончив и одиннадцати классов, я попала на факультет социально-гуманитарных наук, а точнее на кафедру юриспруденции, защиты интеллектуальной собственности и судебной экспертизы. И пусть это была не лучшая специальность этого вуза, но, как оказалось, трудоспособность и обучаемость ценятся намного больше.

Четыре года бакалавриата я пахала как проклятая, не имея ни минуты свободной на "погулять" или "потусить". И сейчас наступали два решающих года – магистратура, где я, не жалея себя, буквально спала с учебниками.

Однажды, когда до выпуска оставалась всего неделя, к нам в группу зашел тот самый Валерий Николаевич. Ректор что-то отчаянно втирал ему, хотя внимание мужчины было занято другим: он отчаянно искал кого-то среди полусотни студентов. Решив помочь пожилому мужчине, я встала, тут же обращая его внимание на себя. Его ничего не выражающие перед этим глаза радостно сверкнули, а затем он рукой поманил меня к себе.

– Гордость вуза... – услышала я кусок монолога ректора, прежде чем Валерий Николаевич, схватив меня за руку, потащил в людный коридор.

– А ты молодец, – немного удивленно сказал он, обводя меня пытливым взглядом, словно отыскивая какой-то подвох в этой ситуации. – Обычно, когда сиротки дорываются до нормальной человеческой жизни, они тут же забывают, для чего им все это было предоставлено. А мы всего-то хотим качественный персонал в "ZoMalia Industries".

Завуалированными словами он объяснил мне, что когда я подписывала договор о бюджетном обучении, то не заметила вездесущей звездочки, за которой было написано, что после обучения я обязана проработать в компании "ZoMalia Industries" двадцать пять лет после окончания университета, если изъявит желание директор или его зам. Они изъявили, и теперь Валерий Николаевич мягко требовал, чтобы я вышла на работу сразу после вручения диплома.

Наверное, мужчина рассчитывал на слезы, ругань, брань, крики типа "вы не можете со мной так поступить", но никак не на искреннее, человеческое и слезное:

– Спасибо Вам. Я буду помнить это всю оставшуюся жизнь. Тот шанс, который Вы мне дали, бесценен.

И вот теперь, нарядившись в свое самое дорогое платье, купленное на деньги, подаренные однокурсниками на день рождения, я гордо вышагивала по плитке около корпорации, уже чувствуя себя частью чего-то большого и... влиятельного.

Да, черт побери, мне хотелось иметь деньги! Я мечтала прийти в хороший дорогой бутик и скучно произнести фразу:

– Пожалуй, я возьму обе пары этих туфель.

Мне хотелось прийти в супермаркет и купить те продукты, которые я хочу, а не ненавистную гречку... В общем, не знаю, что движет гениями, но мной управляла жажда достойного существования.

Остановившись на секунду около стеклянной стены, я оттянула вниз черное строгое платье и откинула назад умело завитые подругой Ритой каштановые пряди. Мне говорили, что я могла пойти в модели и обеспечить себе более простое, но стабильное существование. Но мне нужна крепкая основа под ногами, поэтому я сделала первый шаг в светлое будущее и прошла сквозь вращающийся турникет.

– Полина Мышка? – охранник, отчаянно делавший серьезный вид, сверился со своими записями, после чего кивнул на золотой лифт. – Вас ждут на сто двадцатом этаже.

Проследовав по длинной ковровой дорожке, я переступила порог золотого лифта и тут же оказалась в стеклянной капсуле, открывающей мне чарующий вид на утренний город. Это помогло немного перевести дыхание в ожидании будущих событий.

– Полина Мышка? – улыбающаяся во все тридцать два зуба блондинка с подколотыми назад волосами, в белом облегающем платье на худощавое тело тут же расположила меня к себе. Она встретила мою скромную персону у самого лифта и повела по длинному коридору к темной двери из красного дерева. Она показалась мне слишком шикарной для кабинета обычной студентки-практикантки, поэтому я бросила на девушку растерянный взгляд.

– Ох... Вас не предупредили? – блондиночка, которая быстро теряла передо мной баллы (сначала за то, что не представилась, а теперь за нагнетание атмосферы), очень правдоподобно растерялась и замерла, держа руку на позолоченной ручке двери с выведенными на ней буквами "ZI". – Вы приняты... Почти. Вам осталось пройти собеседование с директором компании "ZoMalia Industries". Обычно для приема на работу кандидат должен пройти семь этапов кастинга, но Вам разрешено пройти только последний. Так что это, в общем-то, хорошо...

Понимая, что всего один этап отделяет меня от заветной работы, за которую бы поборолись тысячи людей, я крепко сжала черный деловой клатч, пытаюсь избавиться от покалывания в конечностях, и нервно затопала ногой. Люди боролись за это место, а компания выбрала меня...

– Меня, конечно, не предупреждали, но собеседование я уж как-нибудь переживу, – уверенно сообщила я ей и, прежде чем девушка улыбнулась дежурной улыбкой и открыла двери, поспешно спросила ее: – Как я могу обращаться к директору?

– О, Вам и это не сказали... – закатила она глаза, чем заставила буквально возненавидеть ее. – Роберт Шаворский.

С этими словами девушка резко открыла двери, не давая задать ни одного лишнего вопроса.

Моему взору открылся громадный кабинет, где выделялись черная мебель и красные детали интерьера, давая понять, что хозяин этого кабинета властный, мужественный человек, который четко представляет, чего хочет, и всегда берет свое. Почему-то эта, возможно, необоснованная мысль заставила меня встряхнуться и отчаянно поторопиться за блондинкой.

– Роберт, – формально, но деловым и трепещущим перед начальником голосом сообщила она мужчине, который был полностью погружен в созерцание информации в своем, на удивление, белом ноутбуке. – К Вам на собеседование Полина Мышка.

– Спасибо, Каролина, – холодный, властный, низкий мужской голос вызвал в моем животе не свойственные и не испытываемые ранее спазмы, перерастающие в ноющее, дразнящее чувство. Против воли я начала рассматривать его широкие плечи, обтянутые темно-синей рубашкой, старательно отменяя мысли о том, какое у Роберта должно быть идеальное тело под ней... Чтобы окончательно отбросить эти мысли, я перевела взгляд выше. У мужчины были короткие, идеально постриженные русые волосы с серым оттенком, прекрасно гармонирующие с немного загоревшей кожей. Неотрывно печатая что-то в ноутбуке, он жестко сказал задержавшейся слишком долго девушке: – Можешь быть свободна. Отчет, как всегда, в четыре.

Не говоря больше ни слова и не глядя в мою сторону, Каролина, словно заведенная кукла, развернулась и быстро ретировалась из кабинета, оставив нас наедине. А я впервые в жизни не могла сосредоточиться на деле, так как передо мной сидел... самый сексуальный мужчина, по всем параметрам соответствующий моим предпочтениям и взглядам на идеального партнера... в сексе. Картинки нашей первой близости пронеслись в голове. Вот он делает меня женщиной, и мы сливаемся в страстном соитии, забывая обо все на свете, а затем одновременно шумно достигаем оргазма, в котором он хрипло выдыхает мое имя мне в волосы... Но тут требовательный и немного раздосадованный голос заявил:

– Вы долго собираетесь стоять истуканом?!

В тот миг все мысли из головы испарились, и я шумно отодвинула стул, сев на него громче, чем позволяла гнетущая тишина. Пришлось протянуть прямо под нос мужчине свои документы, попутно рассказывая свое резюме, но он, как мне казалось, был слишком увлечен работой, чтобы придать моим словам хоть какое-то значение.

– Что же, – резко закрыв ноутбук, но так и не посмотрев в мою сторону ни разу, он принялся изучать сертификаты и документы, которые я ему ранее всучила, снисходительно комментируя: – Так, английский, немецкий и французский языки на профессиональном уровне – это стандартно. Юридический красный диплом не новость, раз Вы претендуете на должность юриста в нашей компании. Это «must have». Публикации, отличия и грамоты не помогут Вам справиться с нашим сумасшедшим графиком и адской загруженностью. Скажите, пожалуйста, Полина Мышка, почему именно Вас выбрал Валерий Николаевич, который попросил меня, только позавчера вернувшегося из Нью-Йорка после заключения сделки на миллиарды долларов, о личной встрече с... Цитирую: "Самой перспективной студенткой Бауманки, с небывалой работоспособностью и обучаемостью". Вы хоть понимаете, как пафосно это звучит и какого уровня знаний теперь будут от Вас ждать? Пока я не вижу ничего, что бы подтвердило эти слова на бумаге.

В этот момент Роберт бросил документы на стол, разбросав их в разные стороны, и поднял на меня свои свирепые глаза. Сертификат об окончании школы даже упал на пол, и я хотела броситься его поднимать, но потом решила, что это будет уж совсем неуместно. Вместо этого несмело ответила на его пронзительный взгляд, подавляющий во мне все живое, жизне-радостное и всякую надежду, что вернусь домой в таком же приподнятом настроении, в каком и уходила.

Роберт было открыл рот, наверное, чтобы задать очередной провокационный вопрос или бросить дежурную гадость в мой адрес, как вдруг замер и неуверенно оглядел меня с головы до ног, словно убеждая себя в чем-то. От этого взгляда хотелось закрыться, так как я почувствовала себя голой, незащищенной, уязвимой...

– Вот я тебя и нашел, Полина, – монотонно, немного резковато, но все равно более добродушно, чем до этого, заявил он, заставляя меня растеряться еще больше. – Я так долго тебя искал, а ты пришла сама. Удивительно...

"Неужели мы знакомы?" – ворвалась мысль в мое растерянное сознание. "Ну уж нет, его бы я уж точно запомнила!"

Пришлось снова рассмотреть его лицо, чтобы уверенно заявить, что Роберта я никогда ранее не видела: серые, ничего не выражающие глаза; такие же сероватые короткие волосы; молодое, красиво очерченное, по-мужски притягательное лицо; пухловатые губы – все это не говорило мне толком ничего.

– Простите, но я не знаю Вас, – наконец подвела итог я, подарив ему неуверенную и сглаживающую напряженный момент улыбку.

Не растерявшись и не расстроившись, Роберт встал со своего места и принялся расстегивать рубашку. Это зрелище так сильно меня захватило, что я забыла возмутиться.

Я не ошиблась, когда думала об его идеальной фигуре. На очерченном теле были ярко выделены кубики, словно выточенные гениальным скульптором. Они играли от каждого его движения, заставив меня перестать дышать и откровенно наслаждаться неожиданным стриптизом.

Только вот, когда Роберт окончательно распахнул ворота рубашки, мое внимание привлек маленький шрам с правой стороны под ребром. Он был не свежий и, судя по отсутствию корки и наличию рубца, как минимум двухгодичной давности.

Или даже трехлетней... Я точно знала, когда он был получен, так как видела все это своими глазами.

– Не может быть... – выдохнула я, понимая, что влипла в самую большую неприятность в своей жизни и теперь выбраться из нее будет очень и очень непросто.

Глава 2

Роберт. Три года назад...

– Роберт, – холодно ответил я на телефонный звонок, включив громкую связь на мобильном, моментально оглушая салон Jaguar F-Pace криком моего вечно всем недовольного отца. – Какого хрена ты снова орешь?

Моя серебристая тачка гнала по ночному городу, распуская всех пешеходов с обочины. Налетая на очередной каменистый выступ, Жанна, делавшая мне минет с самого отъезда из клуба, тихо визжала, сжимая горло еще сильнее, заставляя меня усилием воли сдерживать гортанные стоны. Ее белые, как мел, наращенные волосы разлетались по всей машине, часто закрывая мне обзор дороги. А набухший ее стараниями член входил в маленький со стороны ротик полностью, и я едва сдерживался от желаемой разрядки. Не хватало еще, чтобы отец услышал, как я кончаю.

– Сука, я тебе нахуй все кредитки в жопу засуну и десять раз прокручу! – продолжал свою излюбленную тему он, а я мысленно отметил, что до стадии "приезжай, поговорим" осталась стадия "ты наверняка, пидор, не мой сын". – Твоя мать была шлюхой, видимо, это как-то отразилось и на тебе.

– И как же, интересно, связана шлюха-мать и дебош в "Кашемире"? – сквозь зубы прошипел я. Тема матери была единственной, в которой я не мог себя контролировать, всегда выдавая свои истинные чувства с потрохами.

– “ZoMalia Industries” нуждается в тебе, моем наследнике, а ты трахаешь всяких шлюх, бухаешь, как лошадь, и ничего не делаешь целыми днями! – впервые обычная пластинка отца сменилась, что заставило меня заинтересоваться, пытаюсь оттянуть конец для Жанны. Да, именно для нее, потому что как только я кончу ей в рот, а она сглотнет мою сперму, уныло стирая ее с лица, то тут же перестанет быть мне интересна и я вышвырну ее вон из машины. – Пойми наконец, совет директоров никогда не допустит к управлению такого сосунка, как ты. Хорошо, я твой отец, владелец “ZoMalia Industries”, и могу поставить тебя во главе компании, но авторитет намного важнее денег, уж поверь! Люди не должны тебя любить, они должны бояться. Один твой взгляд должен убеждать их сделать так, как захотел ты, а твои знания должны только подтверждать это! Именно для этого ты должен все-таки окончить Вашингтонский университет и попробовать для начала руководить нашим филиалом в Америке.

Тут Жанна применила какой-то особый прием, заглотив член вместе с яйцами и параллельно проведя язычком по чувственной венке, и, даже скрючившись в три погибели, я не смог сдержать себя, громко выдохнув, все же залил ее лицо спермой.

– Ты что там, трахаешься?! – догадался проницательный отец, и я буквально видел, как он схватился за сердце и потянулся за своими красно-белыми таблетками в прозрачной банке. – А знаешь что? Пошел ты на хуй! Бабла больше от меня не получишь! Крутись как можешь, сосунок.

Едва он положил трубку, я остановил машину на аллее у набережной, спугнув бомжа, врезавшись в край лавки. Перевел взгляд на Жанну, которая начала медленно опускать руку со своей груди к промежности, а затем откровенно мастурбировать, дразня клитор, призывая присоединиться к ней. Это зрелище было... забавным, не более, поэтому я сдержанно сказал:

– Минет был охуенный. Ты опытная сосалка.

– Естественно... Это особая техника минета портовых шлюх, – томно простонала девушка, сексуально, по ее мнению, прикусив нижнюю губку. – А теперь моя очередь... – ее рука потянулась к молнии на моих джинсах, но, прежде чем Жанна успела что-либо сделать, я кнопкой у руля открыл двери машины, впуская прохладный вечерний воздух в разгоряченный салон, а затем ответил на ее непонимающий взгляд:

– Вали на хуй отсюда... Или мне нужно заплатить за твой портовый минет наличкой, чтобы ты ушла?

Жанна плотно сжала губы, не понимая, как ей поступить, а затем прикрыла свое хозяйство длинным черным облегающим платьем и все же вышла из машины.

Самое время было найти отца и по наметанной схеме вымолить у того прощение и мои карточки обратно. Только вот в тот вечер все пошло не по плану... Буквально все.

Полина. Наши дни...

Я сидела у окна своей скромной квартирki на окраине города, которую мы начали снимать у Тани еще в вузе вместе с сокурсницами – Вероникой и Фаиной. В нашем убежище было три комнаты: в одной спали мы с Таней, а в другой – Фаина с Вероникой. На самом деле Таня была довольно обеспеченной молодой девушкой, но тяга к голливудским стандартам подстегнула ее устроить из новомодной квартирki целый цыганский табор.

Все девочки уехали к родителям домой праздновать окончание учебы, и осталась одна я, так как планировала приступить к работе в ближайшее время. Стипендию больше не платили, а рассчитывать за квартиру было нужно.

Но сейчас мои планы резко изменились... Точнее уже во второй раз. Первый был, когда Валерий Николаевич огорошил меня внезапным назначением, а второй – когда Роберт отказался принимать меня на работу. Огорчил ли меня его отказ? Определенно нет. Когда я узнала его, то сразу поняла, что пора бежать не только из его кабинета, а из города. Возможно, даже из страны.

Но мужчина обыграл меня и тут... Увидев мое растерянное выражения лица, он добродушно улыбнулся, видимо, первый и последний раз в своей жизни, и спокойно сказал:

– Несмотря на то, какую услугу ты мне когда-то оказала, я не могу принять тебя на эту должность, – теперь он считал себя вправе называть меня на "ты", и этот переход мне совершенно не нравился. – Пойми, ты не подходишь для этой должности. Нам нужны люди, для которых юриспруденция – это смысл жизни, призвание. А даже название твоей кафедры звучит так, словно ты сама не знаешь, чем хочешь заниматься и тебе важно только окончить именитый университет, я прав? Если честно, до этого я даже не знал, что в Бауманке есть подобная специальность. Совершенно не профильная, согласись?

Естественно, он был не прав, и его слова заставили меня гневно сжать подол платья. Но я тут же вспомнила, кто сидит передо мной и скромно кивнула в знак того, что согласна – эта работа не моя. Даже если бы он просил меня работать на него, я бы все равно отказала... Слишком уж пугающими были воспоминания нашей последней встречи...

– Что же, не смею тебя больше задерживать, – сложив руки на груди, постановил он и встал со стула, намекая, что пора бы мне уйти. – Рад был увидеть свою спасительницу через столько лет. Думаю, с твоей характеристикой тебя возьмут на престижную работу, но только не в нашу корпорацию.

Не говоря больше ни слова, я выскочила из кабинета и на ватных ногах побежала в сторону метро. Что-то мне очень не понравилось во всей этой истории, но пока я не могла понять что. Вроде все логично: пришла на собеседование, провалила его и ушла с Богом...

– Как-то все просто... – сказала я своему отражению в окне и тут же перевела взгляд вниз. Проживая на двадцатом этаже новостройки, я навсегда избавилась от страха высоты, но сейчас живот скрутило по непонятной причине. Видимо, виной был черный джип, припаркованный около моего подъезда, который за два года проживания в доме я ни разу не видела тут. – Все слишком легко получилось...

В памяти снова всплыла картина, как Шаворский встает со своего места и начинает стягивать с себя рубашку, обнажая передо мной свое идеальное тело. Его мышцы играли от каждого движения, отдавая приятным импульсом между ног... Черт, этот мужчина был ходячим сексом!

– Вот! – наконец до меня дошло, что так сильно насторожило меня в поведении Роберта, и, вскочив с подоконника, как ошпаренная, я закричала Таниной белой собачке породы маламут по кличке Фиона прямо в морду: – Какого хрена он раздевался передо мной, показывал шрам и все такое... Если потом собирался выгнать? В чем логика, Фиона?

Вместе с облегчением, что я все же разгадала ребус, мучивший меня уже третий час, пришел и приступ паники. Если это тот Роберт, которого я помню, избалованный папенькин сынок, а теперь еще и глава корпорации, он просто так меня не отпустит. Он придет и выполнит свое ужасное обещание, которое дал три года назад...

Если детский дом и научил меня чему-то, так это не плыть по течению и пробивать себе дорогу к светлому будущему самой. И сейчас, понимая, что от этого решения зависит мое будущее, кинулась в комнату собирать вещи.

До прихода в вуз Валерия Николаевича у меня были четкие планы на жизнь. Она была буквально распланирована по минутам после окончания Бауманки. И вот сейчас я бросала вещи в свой единственный старый чемоданчик синего цвета, проливая слезы по разрушенным мечтам. Ведь если все так, как я думаю, то Роберт будет меня искать, а это значит, что приличную работу с официальным трудоустройством я найти не смогу. Придется выбрать что-то из разряда дворник, уборщица, няня, посудомойка...

И вот сумка была уже собрана, а я наконец стянула слишком узкое платье, из-за которого грудь болезненно ныла, и переделась в лосины и белую майку. Еще между балетками и потрепанными белыми кедами я выбрала вторые. Ведь еще неизвестно, куда меня занесет...

– Если я ошиблась, то просто вернусь домой. И все, – приободрила я свое отражение в зеркале. В нашем длинном и полупустом коридоре одиноко стоял и пылился ветхий старый шкаф времен СССР, но зато там было единственное в нашей квартире зеркало в полный рост. Сейчас я бросила на себя беглый взгляд, словно прощаясь не только с квартирой, но и с собой. Мои глаза остановились на трясущихся руках и на крупных мурашках, размером с горошину каждая, плотной дорожкой пролежавших по моему телу от шеи и до пят. – Как же я хочу ошибаться...

В голове снова всплыла сцена того рокового дня, когда я впервые увидела Роберта... Странно, это было так давно, но помню все как сегодня...

Отбросив эти тревожные воспоминания, я натянула на себя ободряющую улыбку, словно могла обмануть себя же с помощью зеркала, а затем выдохнула и, наконец, открыла дверь, чтобы уйти из квартиры, но не тут-то было. Роберт уже стоял с поднятой рукой и почти нажал на звонок, когда я буквально вывалилась на него, а три вышибалы, словно тени, ограждали его от подъезда и всех возможных прохожих.

– Молодец, – воспользовавшись ситуацией, он заключил меня в свои стальные объятия так крепко, что отстраниться было физически невозможно. Единственное, мне удалось поднять на него беспомощный взгляд, но Роберт только улыбнулся хищной и в тоже время холодной, как лед, улыбкой, коротко констатировав: – Ты собрала вещи, и это упрощает задачу моим людям, – после этого он повернулся к близстоящему амбалу и просто кивнул на сумку. Он тут же, не раздумывая ни секунды, подхватил ее и направился с ней в сторону лифта. Двое оставшихся стояли неподвижно, окружив своего хозяина и будучи готовыми в любой момент закрыть его от пули. – Твоих соседок нет дома, так что ты можешь пригласить меня к себе. Нам нужно поговорить.

С этими словами, не спрашивая моего разрешения и не дожидаясь хотя бы какой-то реакции, Роберт втолкнул меня обратно в квартиру и, пока я испуганно прижималась спиной к

стеклянной двери шкафа, закрыл входную дверь на ключ, который ранее я же вставила в замочную скважину.

– Ох, как долго я этого ждал, мышка... – бросив на меня полный похоти взгляд, он улыбнулся дикой улыбкой, словно обдавая меня холодным ветром, от которого по телу вновь пошли мурашки, – Где здесь твоя спальня? – жестко, словно это не вопрос, а приказ отвести его туда, осведомился он. Но, не услышав моего ответа, он сделал шаг вперед и аккуратно сбросил пиджак на пол, – Хорошо, тогда я трахну тебя здесь.

Глава 3

Полина. Три года назад...

День первокурсника, на котором я танцевала в ансамбле "Родина", подошел к концу намного позже, чем я могла бы подумать. А ведь завтра утром мне нужно было уже сдать практику!

– У тебя ведь уже все готово, – устало закатила глаза моя подруга Таня и, откинув назад длинные черные волосы, сверкнула на меня своими большими карими глазами. – Весь курс сейчас едет в "Барнсли" отмечать начало учебного года. Между прочим, не только тебе завтра практику сдавать, а у многих она даже не дописана...

– Нужно еще раз все проверить. Я хотела переписать теоретическую часть, там во втором абзаце... – начала было объяснять ей я, но тут же себя прервала, понимая, что она все равно не поймет. – Забей, я не иду, и точка.

Так получилось, что с первого дня я сдружилась с девочкой, которая постоянно подбивала меня на прогулы, но, отдаю себе должное, страх потерять бюджет не позволял мне это делать. Позже к нам в группу перевелась Фаина, такая же бюджетница, как я, трясущаяся из-за каждой галочки и отметки. Как бы ни было это странно, но сблизило нас именно ревностное отношение к учебе. Девушка была довольно полная, но, так как прибыла с востока, очень красивая, с чарующими чертами лица. Ее черные глаза с медными волосами украшали многие студенческие баннеры и вывески, зазывая студентов на мероприятия, дискотеки и даже конференции.

– Красивый студент – умный студент! – пояснял нам тайно влюбленный в подругу глава профкома.

Вероника же больше тянулась к Тане, так как обе девочки были из обеспеченных семей и могли позволить себе прогулку по бутикам, пока мы с Фаиной корпели над учебниками. Кстати, среди всех нас у Вероники были самые длинные, каштановые с рыжим оттенком, достающие до самой попы волосы и самая тонкая талия. Даже не спрашивайте, откуда я это знаю...

– Нет, Танюша... Мы с Фаиной пойдем домой, – снова повторила я ей и в этот момент развернулась вправо, где всего минуту назад стояла Фаина, но ее уже и след простыл.

– Видимо, Фаина тоже едет с нами, – Таня заговорщицки подмигнула и, не стесняясь, указала пальцем на девушку, которая всю флиртовала с Костей из профкома. – Вероника пошла за нашей одеждой, так что ты тоже едешь с нами. И не спорь!

Я бросила презрительный взгляд на короткие красные платья с аккуратной золотистой вышивкой по подолу, в которых нас заставили танцевать, и на белые сапоги, достающие до колена, обутые поверх колготок в крупную сетку. Последнее уже было идеей Тани, которую все поддержали, и мне ничего не оставалось, как тоже вырядиться дешевой шлюхой.

– "Барнсли" ждет нас, – хитро улыбнулась мне Вероника, вернувшись из раздевалки без вещей. – Твои шмотки у меня в машине, и если ты не хочешь ночью разгуливать в таком виде по улицам, то все же поедешь с нами.

Не знаю, чего она хотела этим добиться, но звучало это как вызов, поэтому, криво ей улыбнувшись и развернувшись на небольших белых каблучках, я гордо пошла к выходу.

– У тебя нет ключей! – крикнула мне вслед Вероника.

– Зато я знаю, где лежат запасные! – сделала я ее.

– Ты не можешь ходить в таком виде по улице! Это... вульгарно! – не сдавалась она. Я же только усмехнулась, услышав из уст девушки, ходившей летом в шортах, прикрывавших едва ли ползадницы и надевавшей под одежду соски на присосках, чтобы привлечь побольше парней, слово "вульгарно". – У тебя нет телефона и денег!

В этот момент я просунула руку под платье в лиф, достав оттуда телефон и все деньги из кошелька. Урок из детского дома номер два – никогда не оставляйте ценные вещи без присмотра.

Услышав, как девушка громко выругалась, я победно улыбнулась, поняв, что победила.

– Береги обувь! – вставила свои пять копеек Таня. – Мне нужно ее завтра обратно к маме в бутик сдать.

Радостная, я выбежала из основного холла на улицу и буквально замерла на пороге. Мало того, что уже стемнело, так еще и здорово похолодало! Но назад пути не было – девичья гордость не давала признать себя неправой и тем более поддаться чьему-то дурному влиянию. Так что шаг за шагом я дотряслась до остановки автобуса. Просидев около часа впустую, решила пройтись до следующей остановки пешком, но стоило мне очутиться на приличном расстоянии, как нужный автобус приехал, набился до отвала и не стал реагировать на мои отчаянные попытки его остановить.

– Черт... Неужели 145-й уже уехал?! – простонала задыхающаяся девушка прямо мне в лицо, видимо, так же, как и я, не успела вовремя добежать. – Эти частники появляются тут раз в час!

Решив не ждать у моря погоды, пошла пешком, так как на автобусе мне было ехать тридцать пять минут, за полтора часа я бы прекрасно доковыляла своим ходом, еще и деньги сэкономила. По пути я ловила на себе изучающие взгляды, которые больше пугали, чем нравились. Только услышав громкую и нецензурную ругань на одной из улиц, я замедлила шаг потому, что хотела измерить масштабы катастрофы, и если там летят перья, то просто обойду через другую улицу.

– Блядь... Ну я же извинился! – худой рослый парень ударил каменную стену кулаком и заматерился с новой силой. Я выглянула из проулка и заметила для себя, что место, где ругались пожилой мужчина и парень, является черным выходом из самого крутого и пафосного клуба города, «Кашемира». Мне было не видно лица парня, но пожилого мужчину я могла разглядеть хорошо: полный, в черном костюме, который наверняка стоил целое состояние, его русые волосы были настолько короткими, что небольшая лысина на темечке почти не бросалась в глаза, а вот большие складки на шее – пожалуйста. – Какого хуя ты от меня хочешь? Думаешь, я тут на колени перед тобой встану?

Освещение в проулке дало мне возможность увидеть, как пожилой мужчина довольно усмехнулся, оценивающе осматривая парня, словно перед ним товар, мебель, стена, но никак не человек. Его лицо было мертвым, холодным, пугающим... Потому что не может живой человек иметь такое каменное, ничего не выражающее лицо. Даже улыбка показалась мне какой-то искусственной.

– Надо будет – встанешь на колени! – так же безэмоционально заметил он. В его голосе было столько стали и власти, что я сама уже была готова стать перед ним на колени и сделать все, что он скажет, лишь бы тот не обращал свой гнев на меня... Тогда я еще подумала, что быть врагом такого человека не только плохо и неприятно, но еще и опасно! – А пока поживи своим умом и пойми, что деньги не растут на дереве, а папа не вечно будет твоей кормушкой.

– Батя, ну ты че... Мы же все уже порешали... – пытался перевести все в шутку парень и, засунув руки в карманы джинсов, неловко пожал худощавыми плечами. Видно было, что этот сын не испытывает никаких угрызений совести, и это сразу вызвало у меня к нему лютую неприязнь. – Я обещаю тебе вернуться в Вашингтонский университет...

– Нет! – жестко прервал мужчину и сделал выпад в его сторону, гневно вытянув палец вперед. – Мне надоело быть спонсором твоего универа! Ты обещаешь мне снова и снова, а потом я трачу кучу бабла, чтобы вытянуть тебя из этого говна. Я устал. Мне надоело. Я не буду больше уважать тебя только за то, что ты мой сын. Докажи мне, что ты достоин этого. Перестань быть ничтожным существом!

– Батя, я обещаю тебе исправиться! – сказал парень, и, видимо, не только мне эти слова показались лживыми до мозга костей. Кажется, он принимал своего папу за круглого идиота.

"Никогда не верь парням с длинными волосами!" – как мантру повторяла мне Таня, но я только посмеивалась, даже не представляя, как сильно она права... Волосы парня были настолько длинными, что легко собирались в косу.

Сперва пожилой мужчина обессилено опустил руку, словно понимая, что тут дело пустое, а затем резко ее поднял и вмазал сыну по лицу с такой силой, что парень отлетел и, ударившись о бетонную стену, повалился на землю.

Мужчина снова вытянул руку вперед, но, не успев ничего сделать и сказать, потянулся к телефону, который зазвонил в самый "подходящий" момент:

– Шаворский! – холодно и по-деловому уведомил он собеседника, а затем кивнул каким-то своим мыслям и быстро засеменил к двери, видимо, ведущей в клуб. – Скажи "Privat", чтобы не смели начинать совещание без меня. Пока у меня полный пакет акций, пусть засунут свой договор себе...

Дальше я не услышала, так как дверь с грохотом захлопнулась, а парень, все еще сидевший на земле, громко застонал то ли от душевной, то ли от физической боли. Внутри началась борьба: подойти и помочь или бежать, пока меня никто не увидел. Эти сумбурные мысли так сильно захлестнули сознание, что я буквально пропустила, как дверь «Кашемира» открылась, выпустив на свет милостивую блондиночку с хищным взглядом. Она прекрасно знала, что парень сидит тут, более того, я видела, как она обрадовалась его немощному состоянию.

– Роберт! Зайка, что с тобой? – вмиг сменив улыбку на обеспокоенность, она обратила внимание парня на себя.

– Жанна, что ты тут делаешь? – понуро спросил он и повернулся так, что мне стало видно его лицо, оно не было хищным и отталкивающим, как у отца, а скорее слишком красивым и ухоженным для мужчины. Еще мне показалось, что его брови слишком черные, а контур густой бороды слишком четкий – он наверняка в салоны ходит чаще, чем Таня с Вероникой на дискотеки. – Проваливай. Я тебе все сказал еще в машине.

Мне было не видно лица девушки, но, судя по тому, как она передернулась, эти слова ее заделали. Тем не менее она помогла ему встать, а потом так резко, что ни я, ни Роберт не успели среагировать, прижала его к стене и что-то тихо прошептала на ухо.

Роберт сначала презрительно закатил глаза, но, когда рука Жанны медленно поползла вниз по его рубашке и крепко схватила бугорок в джинсах, он, сдаваясь, простонал и кивнул ей. Оглянувшись по сторонам и не увидев ничего и никого (так как я пригнулась, спрятавшись за мусорным баком), девушка тут же встала на колени. Мне было не видно, что она делает, но то, как Роберт вцепился в ее волосы и принялся насаживать ее голову на себя, давало четко понять. Его глаза были закрыты, казалось, что сейчас он уязвимее всего. И самое ужасное, что я для себя отметила – между этими людьми не было никакой химии.

Не зная, что хуже, препирательства с отцом или минеты на улице, я гордо развернулась, повторив свой выход из актового зала в Бауманке, решив уже идти домой и не мешать людям развлекаться. Практику еще никто не отменял...

Стоило мне отойти на десять или пятнадцать шагов, как Роберт громко закричал. Сперва я усмехнулась, мол, слишком быстро он кончил. Но, услышав, как женские каблуки быстро застучали, а потом дверь в клуб закрылась, я заподозрила неладное... Задумавшись на секунду, услышала тихое и протяжное:

– Помогите... Кто-нибудь...

Моя совесть окончательно сдалась, и я сделала то, за что буду потом расплачиваться всю оставшуюся жизнь – пошла его спасать.

Глава 4

Полина. Наши дни...

В некоторых книгах про любовную любовь, сериалах, фильмах и иже с ними есть такой герой-любовник, который приходит к девушке, перекидывает ее через плечо и уносит в мир богатства и роскоши, естественно, против ее воли. По общепринятой канве девушка должна повыебываться и позакатывать истерики (чем громче твое "хочу!", тем сильнее чувства), а уже потом мужчина влюбляется в нее без памяти и бросает мир к ее ногам. Конец!

Признаюсь, я среди тех дур, которые считают, что это очень сексуально, когда в романах герой берет жертву против ее воли. Само собой, потом они должны полюбить друг друга, но сам факт!..

Теперь же, когда я сама стала героиней, было совершенно не до шуток, чувств, романтики, почему-то совершенно не хотелось раздеться здесь и сейчас.

Роберт медленно шел ко мне, словно наслаждаясь моей полной беспомощностью. Впервые в жизни я поняла, что могу преодолеть не все, и стало по-настоящему страшно от собственной никчемности. Слезы предательски закрыли мой взор, но я так сильно выпучила глаза, чтобы, не дай Бог, не всплакнуть, что ни одна слезинка не скатилась по щеке.

– Прекращай. Ты не должна плакать, – скомандовал Роберт, буквально пригвоздив меня к зеркалу своим громадным телом. Его тяжелое дыхание попадало на мою шею, затем переместилось на ухо, после чего он резко спустился к вырезу майки. – Ты совсем не изменилась. Такой же ребенок, как и была.

– Прощу тебя, уйди... – прошептала я, сама удивляясь, как сильно напряжена и какой хриплым у меня голос. – Не надо... Умоляю...

– Прости, но в этот раз у тебя нет выбора, – это было последнее, что он сказал, прежде чем прикоснуться к моим волосам и жадно втянуть запах. Я чувствовала, как его ноздри трепетали, раздуваясь, как от мощной дозы эндорфина, и это пугало. Ведь обычно такая реакция у волков на свою... жертву. Они гоняются за ней, а когда находят, долго наслаждаются ее безысходностью, возбуждаются от ее криков и плача, кончают от ее глупых попыток сопротивляться... Именно тогда я решила, что у меня всего этого не будет, я не позволю ему наслаждаться изнасилованием. Поэтому, тихо выдохнув, издав при этом непонятный мне самой визг, я проглотила слезы. – Умница, мышка, ты все правильно делаешь. А теперь я спрашиваю тебя еще раз: коридор или твоя спальня? Я трахну тебя в любом случае, но предоставляю тебе выбор в качестве бонуса за то, что вещи из этой халупы ты собрала сама.

Сохранять равнодушное спокойствие оказалось тяжелее, чем я думала, когда тебе в живот упирается мужской возбужденный половой орган, причем очень даже внушительных размеров. Роберт ждал, словно давал мне время на размышления, а я пыталась собрать мозги в кучу и проронить хоть слово. Естественно, мне бы не хотелось быть изнасилованной в коридоре на старом дряхлом шкафу, лучше уже на кровати... Но, черт побери, как я могу такое произнести вслух? Разве это не первый признак шизофрении?

– Ты не должна бояться, – низко прошептал мне на ухо мужчина и провел подушечкой пальца по моим сухим губам. – Секс – это естественный процесс. Все им занимаются. А я еще могу гарантировать, что после секса со мной ты будешь кончать. Будешь стонать, как последняя сучка. Будешь мечтать, чтобы я трахал тебя чаще, станешь сама приходить и просить тебя отыметь.

– Мне похрен! Если ты что-то мне сделаешь, я вызову полицейских, – пытаюсь вложить в голос как можно больше ненависти и уверенности, я пропустила момент, когда он начал откровенно смеяться.

– И что тогда? Ты продолжай, продолжай... – с этими словами его правая рука пролезла сквозь тугой латекс лосин и, отодвинув белые бесшовные трусы, тут же проникла в половые губы. Это было так неожиданно, что я вскинулась, пытаюсь отстраниться, но левая рука и навалившееся тело не давали сделать ни одного лишнего движения. У меня вышло только расставить ноги шире. – Хочешь, я кое-что тебе скажу? Ты девственница.

Было что-то укромное, таинственное и личное в этом слове, и тот факт, что он знал о наличии у меня девственной плевы, заставил испуганно поднять на него глаза и вздрогнуть. Но не успела я задать вопрос, как его палец умело нащупал клитор и надавил на какую-то особо чувствительную точку. Я сама не раз мастурбировала, но даже у меня не получилось найти это место с первого раза.

– Нравится, да? – его глаза жадно ловили любое изменение в моей мимике, но я изо всех сил скрывала, как сильно мне imponируют его плавные круговые движения, и старалась игнорировать, какой мокрой становлюсь. Роберт же не мог об этом промолчать: – Я же обещал, что ты будешь течь как сучка.

Закрыв глаза, я стала прислушиваться к ощущениям. Понимая, что уже ничего не поменять, пыталась взять максимум от ситуации, и идея, что я тоже получу удовольствие от секса, делало ее не такой безнадежной. Об остальном подумаю потом...

Палец умело выводил круги вокруг клитора, отчего я вцепилась в мужское предплечье так сильно, что онемели костяшки.

– Открой глаза! – дал команду он, но, когда я не послушалась, его движения прекратились, оставив меня без такой желанной разрядки, а между ног все буквально ныло, прося закончить начатое. Пришлось послушаться и томительно посмотреть на него, только после этого мужчина продолжил и гортанно прошипел: – Я хочу видеть твои глаза. Впредь никогда не закрывай их, когда кончаешь. Иначе будешь наказана.

В этот раз его палец стал смелее, иногда поверхностно проскальзывая во влагалище. Мне казалось это пустой тратой времени, так как там я ничего не чувствовала. Клитор же болезненно пульсировал, прося сделать еще пару активных движений и подарить мне желанное освобождение, а Роберт как будто специально оттягивал финал.

– Ох... Черт... – вырвалось у меня из груди, и я все же непроизвольно закрыла глаза и потянулась вниз, пытаясь помочь ему своей рукой. Но мало того, что он не позволил, так еще и остановился. Сперва я подумала, что дело в моих закрытых глазах, но потом поняла, что все намного хуже.

– Хочешь кончить, мышка? – требовательно спросил мужчина, поспешно расстегивая ширинку, и не успела я и глазом моргнуть, как мне в живот уже упирался здоровый член. Я как замороженная смотрела на мужской половой орган, отмечая про себя, что выглядит он очень даже... эстетично. Возможно, возбуждение застилало мне глаза, но руки сами потянулись к члену, на котором уже успела выступить белая капелька, – Давай, сделай это... Прикоснись к нему... И я помогу тебе кончить.

Его грязные слова распалили меня все сильнее и сильнее, превращая в ходячую эрогенную зону. И когда Роберт резко поднял мою майку, а потом ловким движением одной руки расстегнул и снял лиф, я все же решила сделать это... Сперва осторожно, словно боясь ошибиться, сделать неприятно или больно, провела указательным пальцем по головке и стерла жемчужинку, растерев ее до самого основания.

– Блядь, я больше не могу, – сквозь сцепленные зубы проворчал он, и я довольно отметила, что мне все же удалось возыметь хоть какой-то эффект над его телом. – Спрашиваю в последний раз: коридор или спальня?

– Спальня, – на автомате ответила я, не отрывая пальцы от его члена. Одна венка, особенно выделяющаяся среди остальных, так пульсировала, словно просила обратить на нее осо-

бое внимание. Проведя по ней большим пальцем, я услышала гортанный стон, а затем сильные руки подхватили меня под талию и потащили вперед по коридору. – Первая комната налево.

Дверь была открыта стремительно, с ноги, и через секунду я уже летела на белое, как первый зимний снег, покрывало, расшитое бисером и готическими узорами.

Не спрашивая моего разрешения и не даря ни одного теплого взгляда, он коленом раздвинул мои ноги и придавил весом к постели. Я чувствовала, как твердая головка упирается мне в промежность, а Роберт, тяжело дыша, не решался войти, словно растягивал момент, когда я окончательно и бесповоротно стану его... Игрушкой? Рабыней? Любовницей? Нет, явно не последнее – звучит так, словно этот человек может ко мне что-то чувствовать.

– Помни про глаза, – сказал он, прежде чем начать медленно входить в меня. Как бы ни было стыдно и позорно, но я на самом деле была очень мокрая, что помогло уменьшить боль. – Блядь, так узко... – выдохнул он скорее себе, чем мне. На самом деле приятного было мало. Затем я поняла, что мне еще везет, что не корчусь от боли... Ведь очень странно, что такая громадная штуковина вообще не разорвала меня на две части.

Едва Роберт вошел до предела, как его движения начали становиться все острее, быстрее, жестче. Словно он хотел взять все и сразу. Не оставить мне ни капли. Мужчине было нужно высосать из меня всю жизнь, эмоции, чувства... И, видимо, у него это успешно получалось, потому что во мне проснулась другая Полина. Ее я ранее не знала. Она руководствовалась только ощущениями и млела от каждого его глубокого толчка, умоляя сделать так еще и еще.

– Скажи мне, чего ты хочешь? – замедляясь в самый неподходящий момент, прохрипел над ухом мужчина. – Скажи вслух. Давай. Иначе я не дам тебе кончить.

– Не могу... – честно призналась я, пытаясь дотянуться до клитора и закончить все сейчас же, но Роберт не дал и заключил мои руки крепкой хваткой над головой. А затем дразнящим, выводящим из себя и доводящим до полубоморочного состояния резким движением вошел в меня до упора полностью и шумно кончил, прошипев мое имя на каком-то непонятном языке, лишая любой призрачной возможности получить удовольствие от моего первого изнасилования.

После чего он резко поднялся, натянув брюки обратно, встал передо мной, растерявшей одежду по дороге в спальню, и отстранено выплюнул, будучи полностью одетым:

– Одевайся. Ты переезжаешь, – затем развернулся и направился к выходу из комнаты.

Мне было больно... Так сильно, что сложно выделить одну из причин, обозвав ее эпицентром всех моих бед. Плохо было все, от и до. Хотелось выкинуть какую-то гадость в ответ, задеть его, уничтожить, вызвать хоть какую-то эмоцию.

– Лучше бы я бросила тебя подыхать в том переулке! – сквозь зубы процедила я его спине. Роберт лишь на секунду замер и вполборота посмотрел на меня. Его взгляд сказал все за него: ему плевать на меня, мои чувства и эмоции. Я для него игрушка, только вот как скоро она ему надоеет и выдержу ли я до конца игры?

Глава 5

Роберт. Три года назад...

– Помогите... Кто-нибудь...

Осознавать, что это, возможно, последние слова, сказанные мною перед отключкой или даже в жизни, оказалось хреново, сложно и тяжело. Нет, не то чтобы я так сильно переживал, что умру, просто понимание, что еще ничего не сделал, вдруг дополнительным грузом упало на мои плечи.

Понимая, что никто не придет, ведь ночью мало кто гуляет по темным переулкам, я судорожно пытался достать правой рукой телефон из левого кармана, но, так как повалился на бок и из-под ребра торчал нож, сделать это было крайне сложно. Шевелить рукой было не то чтобы больно, а невыносимо, до судорог, но я понимал, что жив только потому, что нож все еще находится во мне. Если бы его вынули, то из-за обильного кровотечения я бы уже давно был в отключке, а пока только корчился от боли.

Внезапно сквозь гул в ушах почудилось, словно кто-то бежит ко мне. Сперва я решил, что это Жанна, которая как крыса сбежала с тонущего корабля. Но тут я увидел белые сапоги... Мой взгляд медленно стал подниматься, исследуя приближающуюся девушку. За белыми сапогами, заканчивающимися на коленях, шли чулки в крупную сетку, а еще выше начиналось платье, больше похожее на концертный костюм. Не будь я в таком плачевном состоянии, то уже давно бы ее...

– Господи! – девушка рухнула передо мной на колени, прерывая поток бессвязных мыслей, открывая моему взору лицо... ангела. Нет, люди просто не могут быть настолько совершенны... Она имела шикарную копну темных волос, даже при свете фонаря переливающихся медовым оттенком. Ее лицо было не просто красивым, оно было идеальным: умные большие глаза, смотрящие на меня с еле скрываемым ужасом; пухлые губки, которые хочется целовать без остановки; небольшие пухлые щечки, придающие ей вид милого ребенка и в тоже время делающие ее лицо еще сексуальнее; а носик, маленький и курносый, делал ее черты достойными самых лучших картин. Мне хотелось смотреть на нее день и ночь, как на качественную работу лучших мастеров, но телефон в ее руке вернул меня в реальность. – Главное – не переживай. Держись, парень. Я сейчас вызову скорую.

Это была худшая идея из всех возможных! Отец уже и так отказался от меня, а я, не успев вернуть его доверие, снова вляпался в неприятности. Его компаньоны вцепятся в этот случай зубами, растреляют по всей стране исковерканную версию произошедшего, а с моей репутацией это раз плюнуть, и мне уж точно никогда не стать главой “ZoMalia Industries”. Уже не говорю о том, какие проблемы возникнут у отца. Снова из-за меня.

– Нет! – сквозь зубы, стараясь не показаться ей тюфяком и нюней, я пальцем указал на карман, из которого торчал мой новенький iPhone. – Виола Балетки, набери ей. Объясни все. Никакой скорой.

С этими словами я отключился, доверив свою жизнь маленькому ангелу.

Полина. Наши дни...

Натянув на себя старое платье Тани, которое она собиралась пустить на половые тряпки, но не успела, я вышла в коридор, рассчитывая, что Роберт ждет меня на улице (была все же маленькая и хрупкая надежда убежать от него через запасной выход из подъезда). Мне не хотелось снова надевать одежду, которая раскрыла меня как неуправляемое животное. Я пыталась

выкинуть из головы мысли о том, как хорошо мне было, но пока ничего не выходило, и от этого я чувствовала себя полным ничтожеством и начинала сомневаться в своей адекватности.

– Идем, – несмотря на мои ожидания, мужчина измерял своими широкими шагами коридор, даже не потрудившись снять обувь. Увидев меня в простеньком голубом платье, он прошелся по нему взглядом, но никаких эмоций оно не вызвало. А вот громадный пакет в моей руке еще как привлек его внимание: – Что это? Ты собрала не все вещи?

Я бросила грустный взгляд на пакет из гипермаркета "Брусника", в котором мы с девочками когда-то принесли купленную там пароварку. Теперь же там хранились доказательства моей распушенности и того, что отныне я женщина, белое покрывало с каплями крови, майка и нижнее белье.

– Это на свалку, – многозначительно приподняв одну бровь, я увидела за спиной мужчины мои лосины на полу и, аккуратно подцепив их одним пальчиком, добавила к содержимому пакета.

Дальше все шло как в тумане. Роберт, словно забыв о моем существовании, равнодушно направился в машину, а меня добровольно-принудительно довели до большого черного джипа два амбала.

– Они сами это сделают, – эти были единственные слова мужчины, когда я собиралась ненадолго отойти, чтобы выкинуть мусор. Роберт всего лишь кивнул в сторону самого высокого амбала, и тот без единого слова забрал у меня пакет и, подождав пока я сяду в машину, положил его в багажник.

Мне было хотелось спросить Роберта: зачем? Но тому всю дорогу названивали на мобильный, судя по кратким и лаконичным ответам, по работе, и когда нас привезли за город к большому трехэтажному коттеджу, он просто вышел и, не сказав мне ни слова, уехал на другой машине – черной, похожей на скоростную – в неизвестном направлении.

Сделав первый шаг из авто, я понятия не имела, что мне делать дальше, куда идти и как себя вести. Все мысли крутились где-то рядом с "я тут никому не нужна", "меня тут никто не ждет", "зачем он вообще привез меня к себе", "как долго все это продлится". Попутно я рассматривала необычный, идеально ровный зеленый газон, белые мраморные аллеи, туи, росшие по всему периметру участка, по крайней мере с той стороны, с которой подъехали мы.

– Прошу, Полина, проследуйте со мной, – выдернув меня из полного оцепенения, пожилая женщина лет шестидесяти, невысокого роста и с красиво уложенными в высокую прическу седыми волосами слегка прикоснулась к моей руке, словно пыталась разбудить или привести в чувство. Когда я наконец перевела взгляд на нее, она добродушно улыбнулась и повторила: – Пройдемте со мной. Я покажу Вам Вашу комнату.

Проследовав за ней по узкой мраморной дорожке, я в немом восторге разглядывала дом. Это было что-то среднее между стилем хай-тек и старой доброй классикой. Само здание было обложено черным кирпичом, но вместо стен весь первый этаж занимали окна. Громоздкая, массивная крыша будто говорила, что здесь живет мужчина.

Но, как бы ни было странно, внутри все оказалось очень унылым, безжизненным и тусклым, словно хозяин дома прибывает сюда только переночевать и его ничего не волнует, кроме чистоты комнат.

Женщина, которая так и не представилась, провела меня на третий этаж и, дав ключ от самой дальней комнаты, поспешно удалилась. Это было очень странно, ведь я рассчитывала, что меня запрут за семью замками и еще поставят охрану к этой самой двери, но, по сути говоря, предоставили полную свободу действий.

– А, чем черт не шутит... – пробурчала я себе под нос и, не дойдя до комнаты, решила попытаться сбежать, как говорится, не отходя от кассы.

Проходя темными коридорами, облицованным каменной плиткой, я старалась издавать как можно меньше шума, но мраморный пол и моя дешевая обувь не позволяли такого удо-

вольствия, так что раз через раз я все же цокала, тут же останавливалась и оглядывалась по сторонам в поисках тайных преследователей.

С горем пополам мне удалось спуститься до первого этажа и не получить сердечный приступ от волнения. Только вот что делать дальше, я не знала. Так как центральный выход, через который меня привели, был расположен таким образом, что все комнаты первого этажа прилегли к нему. Стоит мне спуститься по лестнице, как я тут же окажусь у всех на виду. А именно на виду у моей провожатой и охранника, который забрал пакет с вещами из моих рук и теперь всучил его женщине.

– И что мне с этим делать? – она устало глянула в пакет, который я намеревалась выкинуть и вопросительно уставилась на амбала. В этот момент меня, подглядывающую с края лестницы, залило краской с ног до головы, так как я только могла представить, что она там увидела. – Не уверена, что смогу спасти покрывало.

– Сможешь, – коротко, но очень любезно ответил ей мужчина, а затем улыбнулся и, хитро прищурившись, спросил: – В это раз будем делать ставки? Я ставлю на десять.

– Ты ее видел?! – экономка насупилась и недовольно покачала головой. – Ей хоть есть восемнадцать? В этом платье она выглядит как школьница...

– Вот поэтому я и ставлю на десять дней, – снова перебил он женщину, и она бросила на него такой уничижительный взгляд, что амбал поперхнулся. – Не хотите делать ставки – не делайте! Кто же вас заставляет?

– Пойдем, поможешь мне лампочку вкрутить, – проворчала она себе под нос и развернулась, чтобы уйти куда-то влево. Так как дом я еще не знала, то понятия не имела о расположении комнат. Мне оставалось только гадать, поможет ли мне их уход или те стоят за углом. – А то, я смотрю, тебе заняться нечем.

– Да ладно вам, Клавдия, я же просто шучу... – уловив краем уха имя женщины, я перестала дальше вслушиваться в беседу, так как понятия не имела, о чем они говорят. Сейчас моей целью было выйти из этого дома и бежать, бежать, бежать...

Когда голоса совсем стихли, я начала медленно, с опаской спускаться вниз по лестнице. Замок на двери оказался даже не закрытым, так что я планировала быстро выбежать на улицу, а дальше уже смотреть по обстоятельствам.

Но не успела я обрадоваться, что провернула такой сложный и морально тяжелый план, как, дернув со всей силы ручку двери, я осознала, что она не так проста, как кажется на первый взгляд. Дверь закрывалась не на банальный замок, а на гигантский магнит, и, когда я потянула ее на себя, она открылась всего на пару сантиметров и тут же захлопнулась обратно с таким грохотом, что почти заглушила сирену, которая тут же завизжала по всему дому.

Когда со всех сторон дома в мою сторону начали сбегаться охранники, я почувствовала себя тайным агентом, провалившим ответственную операцию и застигнутым врасплох.

Но больше всего меня поразило не это... С верхних этажей, помимо охранников, спустился еще и Роберт. Как он там оказался, оставалось большой загадкой, так как я сама лично видела его отъезд. Думаю, он подозревал, что сигнализация как-то связана со мной, но, когда наши взгляды встретились, я поняла, как сильно он зол и что пощады не будет. Его кулаки внезапно сжались, а тело опасно напряглось, словно он готовился к броску, как дикий хищник.

– Все свободны! – зарычал он на охранников, и спустя секунду их и след простыл. Только после этого Шаворский начал быстро двигаться на меня, говоря спокойный голосом, словно удав: – Ей-богу, я хотел по-хорошему, веришь? Теперь придется тебя наказать.

Вот тогда стало страшно по-настоящему.

– Идем за мной, – холодно, совершенно безэмоционально и отрешенно отдал мне он команду, глядя прямо в глаза. В этот момент я почувствовала себя собакой, которую загнали в угол, а затем заставляют самостоятельно идти на усыпление.

Глядя в его темные глаза, я не испытывала ничего, кроме ужаса. Мне было странно, что тот Роберт из подворотни и это чудовище являлись одним и тем же человеком. Кроме схожих черт лица, общего ничего не было.

В детском доме жизнь была не сахар, мне часто приходилось быть настойчивой, грубой, а порой даже жесткой и жестокой. Я видела, как парни смотрели мне вслед и видели во мне тот самый мужской стержень, который либо есть, либо нет. У меня он был. Я не упускала возможности. Я сама их для себя создавала. Много ли вы знаете девятнадцатилетних выпускниц вузов с красным дипломом? Я знаю только одну – себя. Всем моим одногруппницам было от двадцати двух лет, но я общалась с ними на равных и порой затмевала своей активностью, сообразительностью и развитым умом.

Но теперь, прижавшись спиной к холодному металлу и стараясь не свалиться в обморок, я понимала, что Роберта мне не победить и мой прошлый жизненный опыт не имеет никакого значения. Было что-то холодное в его глазах, пугающее, агрессивное... Заставляющее поверить, что все его угрозы будут непременно исполнены, приказы выполнены, а враги повержены. Его тяжелая энергетика победителя подавляла меня и размазывала, как надоедливую мошку о стекло. Это пугало, но где-то в глубине души и подзадоривало. Я не понимала логику этого мужчины, в частности, почему он так со мной поступает, но я точно знала, что этому должно быть логическое объяснение, которого пока не находила. Но обязательно найду.

Пока в полной растерянности я пыталась собрать мысли в кучу и хоть как-то себя оправдать, он уже вплотную подошел ко мне, не говоря ни слова, поднял одной рукой, перекинул через плечо и понес наверх. Было боязно дышать, не то чтобы возмущаться. Я тихо надеялась, что мое хорошее поведение заставит его забыть о попытке побега и Роберт просто запрет меня в комнате, оставит без еды, выгонит из дома... Что угодно, но только не то, что он уже запланировал. А интуиция подсказывала, что ждать от него чего-то хорошего не стоит...

Мужчина нес меня вверх, спокойно дыша, не выдавая никаких признаков эмоций. Все было как всегда – безучастно.

Поднявшись на третий этаж, он завернул в противоположный коридор от того, где находилась "моя" комната. Стоило ему повернуть за угол, как перед ним появилась дверь, которую тот открыл ключом из своего кармана. Но за ней не было комнаты, а находилась еще одна узкая деревянная лестница, на четвертый этаж.

"Странно, мне казалось, что дом трехэтажный", – заметила я про себя, стараясь не думать ни о чем плохом, чтобы не доводить себя до сердечного приступа.

Краем глаза из-за спины Роберты я увидела темно-зеленые обои с золотистым орнаментом. Секунда – и мужчина уже положил меня животом на холодный рабочий стол. Немного приподняв голову, я увидела большую деревянную кровать с высокой спинкой, сделанной по типу подушки. Видимо, это была его личная спальня, совмещенная с кабинетом.

– Не шевелись! – его теплая рука упала на мою спину и пригвоздила к столу. Затаив дыхание, я услышала, как мужчина роется в ящиках, словно ища что-то или выбирая. Наконец, он закрыл их, и я поняла, что оттуда он что-то достал, но не могла понять, что именно, так как приподняться Роберт мне не дал. – Запомни, так будет каждый раз, когда ты меня слушаешься и сделаешь по-своему, – с этими словами он резко поднял мое платье и одним уверенным движением разорвал на мне белые кружевные трусики, которые я купила только на прошлой неделе.

– Черт, ты вообще знаешь, сколько они стоят?! – простонала я, чувствуя, как его рука изучающе двигается по моим ягодицам, иногда проскальзывая между ними, массируя анальный проход. Ощущения были необычными, дыхание участилось, сердце забилося быстрее, а я тревожно напряглась, понимая, что этим дело не закончится. Вдруг я услышала, как неприятный свист рассекает воздух, и поспешно заговорила: – Что ты собираешься?! Ах... – удар

плети вторгся в мое сознание ледяным душем, выбивая все мысли из головы и оставляя на моей попе первый красный след.

Роберт провел пальцем по месту удара, продолжая удерживать меня на месте рукой. Кажется, он словно ребенок, снимающий крем с торта с особым предвкушением его волшебного вкуса...

– Всего десять раз, – хрипло сказал он и, размахнувшись плеткой снова, добавил: – Сейчас будет восемь. Я хочу, чтобы ты считала вслух. Иначе число увеличится! – холодная плетка во второй раз ударила по коже, заставляя меня застонать от болезненных и в тоже время будоражащих кровь ощущений.

Мне было больно, унижительно и... горячо. Последняя мысль пугала больше всех остальных. Если в первый раз я оправданно пыталась получить как можно больше удовольствия от секса, так как не хотела потерять себя, и пыталась абстрагироваться от того, что это все происходит не по согласию, то в этот раз меня откровенно избивали. И хоть главными чувствами были ненависть и презрение, все же отдаленно я чувствовала, как становлюсь мокрой и подсознательно прошу его не останавливаться.

– Прошу, не нужно... – сквозь слезы прошептала я. Тем не менее плеть снова размахнулась и больно прошлась по левой ягодице, где еще было живое место. Краем уха я услышала, как простонал Роберт, и поняла, что это истязание доставляет ему не меньше удовольствия, чем секс. Поняв, что сейчас лучший вариант – это принять его игру, я сбивчиво и хрипло промычала: – Семь.

Услышав мой голос, мужчина на минуту замер и, положив горячую ладонь мне на затылок, медленно повел ее вниз, обводя контур моего хрупкого тела, оставляя за собой горячий след, как от плети. Наконец, его руки дошли до попы и сжали ее так сильно, что я больно прикусила язык и из глаз снова брызнули слезы от переизбытка эмоций. Рука медленно отпустила мою ягодицу и тут же спустилась к лону. Один палец медленно проник внутрь, и Роберт сквозь зубы гортанно прорычал: – Сучка, ты уже течешь, – затем, дразняще надавив на клитор, он все же убрал руку и снова размахнулся плетью, перед этим сказав: – Покричи для папочки, мышка.

Тут уже удары шли один за другим, и я только и успевала, как сквозь зубы кричать:

– Шесть... – удар – и моя кожа снова запылала. – Пять... – удар – и горячая судорога прошла прямо с плети в живот, где томно копилось наслаждение, ожидавшее своей разрядки. –

Четыре... – удар – и кожа заныла, умоляя остановить это безумие. – Три... – удар – и мой клитор болезненно заныл, требуя к себе особого внимания. – Два... – удар – и голова пошла кругом, превращая мое тело в чувствительный нерв. – Один... – удар – и я окончательно окунулась в позор и наслаждение, задыхаясь от не испытываемых мною ранее эмоций.

– Умница, – сквозь зубы прошипел он и, откинув плеть в сторону, резко навалился на меня, давая почувствовать, как сильно его пульсирующий член ожидал продолжения. Не успела я что-то подумать на этот счет, как указательный палец Роберта быстро проскользнул в меня и начал растягивать, задевая какие-то особые точки, вызывающие спазмы внизу живота и доводящие плавно до оргазма. – Сегодня ты не заслужила кончить, – с этими словами он резко вынул палец, оставляя меня всего в минуте от желаемой разрядки. Мужчина встал с меня, но только для того, чтобы расстегнуть свои брюки. Через секунду я почувствовала, как его горячий член медленно выверяет дорожку между моих ягодиц, словно играя и давая время привыкнуть и освоиться.

– Расслабься и не дергайся, а то будет больно, – я не понимала, о чем он говорит, ведь мы уже занимались сексом и терпимая боль от первого раза и потери девственности уже позади. Растерялась и подумала, какому еще унижению тот может меня подвергнуть. Его пальцы снова скользнули в меня, но только для того, что бы собрать немного смазки и... растереть ее по анальному отверстию.

– Ты порвешь меня! – в панике закричала я и задергалась более активно, чем раньше, умоляюще прошептав:– Не нужно. Я не хочу. Я уже поняла все. Я не буду пытаться сбежать. Клянусь!

– Я трахну тебя в любом случае, – монотонно говорил он, пока его пальцы растягивали меня там, где не было еще никого. И не должно было быть. Затем он медленно придвинулся членом ко мне и, едва вошел головкой, я закричала от дикой боли. – И буду делать это, когда хочу... где хочу... и куда хочу... – прорывав сквозь зубы, он резко вошел в меня полностью, а затем замер, словно наслаждаясь моментом. – Будешь сопротивляться – хуже тебе. Запомни раз и навсегда: ты полностью в моей власти. Я говорю – ты выполняешь. Неповиновение – заслуженное наказание.

Понимая, что уже ничего не сделаю, я закусила кулак и, глотая слезы, терпела его уверенные и сильные толчки. У меня не было сил расслабиться, так что можно только представить, какой узкой я была внутри. Спустя несколько минут он мощно кончил в меня и прорычал:

– Да... Мышка... Хотя можешь устраивать такие фокусы каждый день... Мне чертовски нравится твоя упругая задница.

Затем спокойно, словно ничего и не произошло, отстранился, и я услышала, как он застегивает свою ширинку.

Сил думать, устраивать разбор ситуации, анализировать свое и его поведения не было. Я чувствовала себя высосанной до дна, опустошенной, отрешенной от ситуации и внешнего мира... Когда он обошел стол и я краем глаза увидела его брюки, Роберт монотонно отдал приказ:

– Вставай. Тебе еще нужно выпить таблетку.

Ноги были ватными, голова кружилась, тянуло в сон. Мысль о том, что нужно опереться руками и поднять свою тушку, казалась нереальной, но я не умела отступать и показывать слабость. Поэтому резко уперлась руками и оттолкнула себя от стола. Удержать равновесие не удалось, и последнее, что я помню, как Роберт, непонятно каким образом оказавшись около меня, подхватил на руки и куда-то понес.

Глава 6

Роберт. Три года назад...

– Сучонок... – рыжая бестия наклонилась надо мной, а ее яркие кудри развевались от легкого подвального сквозняка, играя в лучах лампы темными тенями на моем лице. Это было первое, что я увидел после пробуждения. Тело ныло, а живот я вообще не чувствовал. – Напугал нас, урод. Думали, уже придется закапывать труп в посадке.

Виола когда-то была любовницей отца. Она работала в престижной московской клинике хирургом и познакомилась с ним во время одного социального мероприятия, где тот вручал ключи от больницы, которую построил на деньги “ZoMalia Industries”. Она резко отличалась от других его пассий: худая, но совершенно не модель; симпатичная, но по-своему, а не по голливудским стандартам; умная, острая на язык, не терпящая лжи и никогда не лгущая. Все это можно было прочесть по уставшим, немного осунувшимся глазам, которые были такими не из-за непосильной работы (после того как она бросила папу, он закрыл клинику и навсегда отрезал ей пути к построению достойной карьеры), а скорее от общей усталости от всего мира. По тонким губам, вечно были сложенным в узкую линию и никогда не улыбающимся. По острым скулам, делавшим ее похожей на дистрофика, но не убавлявшим ее женской, взрослой привлекательности.

Когда она только начала путаться с моим отцом, я все никак не мог понять причины. Она – врач с практикой в США, пятью защищенными диссертациями, с великой целью вылечить весь мир и погруженная в работу с ночи до утра. Мой отец – не пропустивший ни одной юбки ловелас, хозяин самой крупной в стране корпорации, озабоченный только заседаниями на советах директоров, курсом валют и возможными потерями в бизнесе. Первое время ребенок во мне ненавидел их лютой ненавистью, так как было понятно, что ничего, кроме любви, их свести не могло, но затем я даже прикипел к этой женщине и проникся к ней симпатией.

Первым не выдержал серьезных отношений папа и изменил Виоле с секретаршей. Не знаю как, но она узнала и просто ушла, а от отца так просто еще никто не уходил. Он не стал унижаться и просить ее вернуться, хотя очень страдал, он просто испоганил ее жизнь, вогнал в долговую яму и депрессию, длиною в жизнь. Теперь она зарабатывает на проживание незаконными операциями на дому, и я был тем человеком, который поддерживал ее материально скорее из жалости, а не из-за сильной любви.

Именно поэтому я попросил девушку в переулке позвонить Виоле, был уверен, что она не посмеет отказать. Девушку... Перед глазами снова появился этот темноволосый ангел с детским, непосредственным лицом... От одной мысли, что она все же не побоялась и спасла меня, по телу разливалась гордость, словно она была моей... Кем? Понятия не имею, но кем-то очень дорогим сердцу. Даже сейчас я понимал, что это первый человек в моей жизни, который сделал что-то для меня бескорыстно, просто по велению души.

– Девушка... – прохрипел я и поморщился, чувствуя, как каждая сказанная мною буква отдает болью в рану. – Где?.. Она нужна мне... Позови...

– Тише-тише, – Виола, словно мать, аккуратно поправила жгут на моем животе и обеспокоенно сказала: – На тебе закончилось обезболивающее... Так что скоро пройдет действие первой и последней порции – будь готов к адской боли. Кстати, я не звонила твоему отцу. Должна была? – я отрицательно покачал головой, и она согласно кивнула. – Спасительница твоя в коридоре сидит. Представляешь, звонит ночью телефон. Смотрю – Роберт! А в трубке какая-то девочка! Говорит, типа, тебя пырнули ножом, ты без сознания и срочно нужно спастись, – я грустно усмехнулся, понимая, какое "счастье" доставил Виоле этим вечером... или утром? Из-за задвинутых створок ничего не было понятно. – Позвать ее? Она отказывалась

уходить, пока не удостоверится, что ты жив. Говорит, не сможет жить с мыслью, что убила человека...

Что-то кольнуло в груди, и это не рана. Что-то приятное, разливающееся теплом по животу и даря прилив нежности в адрес незнакомки.

– Полина, иди сюда! – Виола закричала так, что я решил: все Полины Москвы сбегутся ко мне, но дверь медленно и неуверенно открылась, а в нее вошла хрупкая девушка, испуганно осматривая подпольный хирургический кабинет. Сейчас, пребывая в сознании, я мог оценить ее более детально: маленькая и хрупкая, как фарфор; худая, но с пышным бюстом; волосы доставали почти до талии и завивались легкими и аккуратными локонами; пухлые губы напоминали сердечко и манили поцеловать их или потрогать пальцами; пухлые щеки придавали ей какой-то детский вид, говоря, что их хозяйке нет и пятнадцати, зато умные темные глаза делали ее старше и ярко отображали все эмоции хозяйки, раскрывая ее окружающим, как книгу. Мне бы хотелось ее почитать, причем от корки и до корки.

– Спасибо, – впервые в своей жизни я сказал это слово искренне, надеясь донести до нее, как сильно я поражен ее самоотдачей, характером, красотой. Мне хотелось обнять ее и никогда не отпускать, но я понимал, что сейчас не в состоянии даже встать. – Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – робко ответила она, делая первый шаг в мою сторону. – А что?

– Я думал, тебе нет и пятнадцати, – честно признался и улыбнулся своей самой очаровательной из заготовленных улыбок. Но, на мое глубочайшее удивление, девушка никак не отреагировала. Ее больше интересовали моя рана и синяк на лице, которые она изучала с холодностью хирурга. Полина, так, кажется, ее назвала Виола, смотрела на меня не как другие девушки. Она смотрела НА меня, а не СКВОЗЬ и видела просто человека, обычного парня, возможного друга, без одной задней мысли и злого умысла.

"Точно ангел!" – подумал я, а потом наивно решил для себя: "Этот ангел будет моим. Любой ценой. Чего бы мне это не стоило".

– Ты побудешь со мной немного? – мягко спросил я, чтобы не спугнуть ее.

– Вообще-то, я хотела только убедиться, что ты жив и я не зря тебя послушала, привезла... сюда, а не в больницу... – она снова бросила сканирующий взгляд на мою рану и монотонно заключила: – Слава богу, с тобой все хорошо. Теперь я могу уйти домой с легким сердцем.

– Прошу тебя, останься... – впервые в жизни мне жутко не хотелось с кем-то расставаться, и эти внезапные чувства к почти незнакомой девушке пугали так же сильно, как и радовали. Ведь теперь я точно знал, что встретил ее – мою единственную. Она не должна уйти. – Мне бы хотелось общаться с людьми, а как ты понимаешь, в этот подвал никто, кроме Виолы и тебя, зайти не сможет.

Полина немного растерянно посмотрела на женщину, с интересом наблюдавшую за нашим разговором, и Виола кивнула, подтверждая мои слова.

– Мне сегодня нужно быть на учебе. Важный день, – спустя целую вечность сказала она, а затем ее взгляд завис на стене, словно она что-то просчитывала в уме. – Но в восемь тридцать вечера я могу быть здесь. Не больше получаса, только один раз. Больше никогда.

– Отлично! – снова улыбнувшись девушке, я знал, что ей, как и всем другим девушкам, будет достаточно всего получаса, чтобы понять: она влюблена в меня по уши. Но ее равнодушная реакция на мою улыбку и молчаливый уход немного сбили меня с толку.

– Мне не нравится твой взгляд, – Виола с сожалением смотрела вслед ушедшей девочке и, повернувшись ко мне, твердо сказала: – Притормози и дай ей уйти. Это не твой уровень.

– Заткнись! – все еще продолжая смотреть вслед Полине, я уже начинал строить планы на нашу дальнейшую жизнь. Ей всего шестнадцать, а это значит, что она школьница. Наши отношения вызовут осуждение отца, да и всего его мира. Но мы справимся, потому что ради тех эмоций, что я получаю, находясь рядом с ней, я готов на многое. – Делай свою работу молча. Завтра в восемь тридцать я должен быть в состоянии очаровать ее раз и навсегда.

Полина. Наши дни...

Туман, погружающий меня куда-то вглубь моего сознания, начал быстро распадаться, и я тяжело открыла глаза, которые, судя по ощущениям, весили каждый по сотне килограммов. Все было таким нечетким и совершенно незнакомым. Чужая комната и я, укрытая лиловым шелковым покрывалом на голое тело. Ничего хорошего.

Непонятные огоньки, звездочки и белые вспышки все еще плясали у меня перед глазами, но я отчаянно проморгалась и внимательно, с особым усилием, осмотрела расплывающуюся перед глазами комнату. Белые стены, где-то сделанные под рифленую плитку с тонким ребристым узором, где-то мягкие, словно в сумасшедшем доме, а где-то покрыты обоями, с выбитым по ним золотистым орнаментом. Мебель тоже белая, а все мелочи вроде столов, стульчиков, подсвечников, ламп и тому подобного – прозрачные. Было ощущение, что над этой комнатой поработал хороший дизайнер, но и в тоже время чувствовалось, что тут еще никто не жил. Одеядло пахло новизной, мебель – деревом, а подсвечники – магазином. Мне не нужно было принюхиваться, чтобы уловить этот запах, так как других в комнате не было – я находилась в самом центре некоего места, где только закончили ремонт и еще не успели даже проветрить.

Меня отвлек тихий стук в дверь, и я инстинктивно натянула на себя покрывало по самое горло, стараясь не поддаваться панике. Ягодицы сильно ныли, и от них простреливали судороги боли в позвоночник, хотя кто-то и подложил мягкую подушку.

Не дожидаясь моего разрешения, в комнату вошел Роберт. В голове снова прокрутились недавние события, как страшный сон, а тело, особенно филейная его часть, зануло, словно подтверждая воспоминания.

– Как ты себя чувствуешь? – мужчина с закатанными рукавами рубашки, но все в том же костюме сел на край постели и положил ладонь на мою голову, после чего перевел ее на шею и через минуту заключил, как доктор: – Пульс в норме. Теперь перевернись на живот, – мои глаза вмиг округлились, и слезы были уже на подходе. Не знаю, чего он от меня хотел, но явно ничего хорошего. – Я принес успокаивающую мазь. Она поможет унять боль и спокойно высидеть целый вечер.

"Какое благородство! А кто виноват в моих ранах, а? Пошел ты!" – обозлился на него внутренний голос.

"Но ведь попу и правда жжет, словно я сижу не на мягкой подушке, а на иглах или раскаленных углях..." – спорила с ним я же.

– Ну? – Роберт достал из кармана мазь и показал мне ее, мол, ничего подозрительного. Подумав еще секунду, я все же аккуратно начала переворачиваться. Видя мои неловкие движения, больше похожие на судороги, он подхватил меня под бок и резко перевернул. Так как тело было уже голым, то было достаточно только поднять покрывало и начать смазывать раны. – Будет немного щипать.

– Кто меня раздел? – чтобы отвлечься от жутко сильных покалываний, выпалила вопрос я, а затем поняла, что не хочу знать на него ответ.

– Я, – подтвердил мои опасения мужчина и тут же продолжил: – Твое платье было... мокрым.

Не желая больше вникать в эту тему или какие-либо вообще, связанные с Робертом, я отвернулась от него и невольно перемотала разговор в комнате заново. Один момент мне очень не понравился:

– Что значит "спокойно высидеть целый вечер"? – слишком эмоционально спросила я, даже не пытаясь больше скрывать, как сильно потеряна и сконфужена от этой ситуации. Еще одну пытку, особенно этим вечером, я не выдержу ни морально, ни физически.

– Это значит, что вечером мы идем ужинать в ресторан "РемНуар", – равнодушно, словно все давно решено, ответил мужчина, продолжая с убийственным спокойствием натирать меня мазью.

Мне бы лучше помолчать и прикусить язычок, но я не выдержала и выплюнула ему:

– Ты чудовище...

– Я же говорил, что хотел начать наше совместное проживание по-хорошему, – немного устало, словно рассказывал простые истины ребенку, продолжил он: – Но ты решила выбрать другой вариант. Хорошо, это твой выбор... И хочу в который раз напомнить, если ты снова выкинешь что-то подобное – наказание повторится, и каждый раз число ударов будет увеличиваться на пять.

Не знаю, так ли родители воспитывают своих детей, но на меня подобная угроза подействовала, и я зареклась больше не шутить с Робертом и решила слушаться его во всем. Ну, или по крайней мере делать вид.

Остаток процедуры мы просидели молча, после чего Роберт просто встал и, засунув мне в рот маленькую таблетку, проверил, что я ее проглотила, а затем ушел. Я подозреваю, что это было что-то вроде успокоительного, обезболивающего или снотворного. Все это мне бы сейчас не помешало...

Стоило ему выйти, как я зарылась лицом в мягкую подушку и разрыдалась. Я понимала, что в этой чудовищной ситуации мне никто не поможет, но также все никак не могла понять, что же я тогда, три года назад, сделала не так, что вызвала к себе столько негатива. Роберт словно наказывал меня за что-то, и я не могла понять, за что именно. Возможно, он не хотел, чтобы я его спасала?

"Нет, скорее всего, он просто чудовище! Его возбуждает образ жертвы и твое безысходное состояние. Так что не ищи в этом двойного дна", – подсказал мне правильный ответ внутренний голос, и я просто согласилась с ним, продолжив акт самобичевания и стараясь не думать о Роберте.

Где-то между мыслями о полной беззащитности и идеями о дальнейшей безопасности для моего здоровья и психики рядом с Робертом я не заметила, как уснула. Меня разбудила теплая рука, упавшая на мое голое плечо, и я резко проснулась, вздернув голову вверх.

– Детка, пора собираться на ужин, – Клавдия нежно и по-матерински мне улыбнулась, указывая на чехол "Gucci", сквозь прозрачную вставку которого виднелось бежевое платье, на полу стояла коробка, видимо, с обувью от "Jimmy Choo", а на небольшом стеклянном столике лежал еще один бумажный пакет с надписью "CHANEL", угадать содержимое которого я не смогла.

Пошевелившись на постели, я радостно поняла, что ягодицы больше так сильно не болели, но общее чувство усталости и ощущение дискомфорта внизу спины никуда не делось. К тому же я все время лежала либо попой кверху, либо сидела на подушке. Что будет в ресторане, где в основном жесткие стулья?

– Клавдия, могу я остаться дома? – жалобно спросила я, осторожно поднимаясь с кровати. Внезапно осознала, что выдала себя, ведь женщина мне не представлялась. Бросив на нее изучающий взгляд из-под ресниц, увидела только небольшой ступор на лице, быстро сменившийся ее фирменной улыбкой.

– Прости, но нет... Роберт заберет тебя через час, и ты уже должна быть на парадном выходе, – немного с сожалением пояснила она и, протянув мне стакан с водой, где перед этим разболтала какую-то таблетку, сказала: – Выпей. Тебе сразу станет легче... И, Полина, я уже могу позвать визажиста и стилиста или тебе нужно личное время на ванную комнату?

Я сморщила нос, понимая, что сейчас меня будут готовить к чему-то явно большему, чем просто поход в ресторан. И, судя по приготовлениям, моя догадка была верной. Эван, стилист-француз с черными волосами и женскими манерами, сделал мне начес на голове и накрутил волосы легкими кудрями. Визажист Алена, девушка с белыми волосами и выбритым одним виском, сделала яркий вечерний макияж, который включал в себя сложный контуринг, телесные тени, стрелки, наклеенные ресницы и красные губы. Мое лицо стало похоже на изображение куклы Барби и постоянно чесалось, словно на мне тройной слой штукатурки.

– А это что? – я с интересом посмотрела на маленький пакетик, завалившийся за громадный пакет "CHANEL", где мы ранее нашли клатч. Эван тут же подбежал ко мне и без лишней скромности открыл его, достав оттуда бесшовное бежевое нижнее белье.

Честно говоря, я никогда не была барахольщицей и не впадала в экстаз от красивой одежды, но то, что я увидела, было и правда достойно любой леди, которая должна была еще побороться за право носить такое на себе. Тонкая, но плотная ткань ложилась на кожу как самый нежный шелк, ничего не передавливала, нигде не выделялась и в тоже время делала меня безумно сексуальной даже в своих глазах.

Лиф из того же комплекта умирал мою большую грудь и делал ее не просто громоздкой, как это обычно выглядело на фоне моей тонкой фигуры, а эстетично красивой, с заманчивой впадинкой посередине.

– Черт, "Victoria's Secret" как всегда на высоте... – всплеснул руками Эван, а Алена немного завистливо покачала головой в знак согласия. Я не стеснялась стоять перед ними в нижнем белье, у меня было ощущение, что они доктора, а я их пациентка. В какой-то степени так оно и было. За пустыми разговорами с ними и переживаниями по поводу прически и макияжа я совершенно забыла, куда еду и с кем. Еще очень помогало то, что они никак не реагировали на мою красную, как флаг Китая, попу и делали вид, что все нормально.

Шлепок в ладоши Эвана отвлек меня от грустных мыслей перед зеркалом, и мы с Аленой дружно посмотрели на парня:

– Теперь самое интересное – платье! Девочки, у нас осталось десять минут, а Полина еще в трусах щеголяет...

Бежевого цвета платье-шнурок идеально облегло фигуру от расклешенных рукавов до самых коленей. Глубокий V-образный вырез не только открывал вид на мою ложбинку меж грудой, а еще и выделял "женственные ключицы", которые часто так обзывала Таня. На самом деле это платье вполне можно назвать официальным, но из-за того, что оно плотно сидело размер в размер, то выглядело еще и очень сексуально и обольстительно.

Эван заставил меня потренироваться садиться в нем, и оказалось, что это нужно делать медленно и очень осторожно, потому что талию передавливало слишком сильно и я боялась, что оно просто-напросто треснет по швам в самый неподходящий момент. Слава богу, с бежевыми лаковыми лодочками такой проблемы не было, и они даже были слегка великоваты, что облегчало задачу ходить, но ее усложняли пятнадцатисантиметровые шпильки.

– Принцесса готова! – радостно заключил мужчина и вручил мне в руки небольшой квадратный клатч, куда я сложила косметику для поддержания макияжа и специальную расческу с острым концом, с помощью которой могла бы сама подправить прическу и не ударить лицом в грязь.

В этот момент в комнату постучала Клавдия и робко проинформировала:

– Роберт ждет вас уже пять минут. Просил поторопиться.

Спускаться в узкой юбке оказалось сложнее, чем я рассчитывала, приходилось делать это боком и переступать по одной ступеньке в минуту. Это немного отвлекало от встречи с Робертом. Как ни странно, мне не хотелось его видеть. Хотелось забыть о его существовании, удалить из памяти, уйти из этого дома раз и навсегда...

Несмотря на все мои старания, я не смогла отвлечься от мыслей о Шаворском совсем. Я вдруг подумала... А вдруг это его поведение с избиением и изнасилованием просто жалкая попытка ухаживаний? В смысле, что еще три года назад я поняла, что этот человек неровно ко мне дышит, так может, сейчас у нас что-то типа конфетно-букетного периода? Возможно, этот мужчина никогда не имел нормальных, человеческих отношений и теперь считает, что брать девушку силой – само собой разумеющееся, а избиение по попе хлыстом – в порядке вещей. Кто знает, какие там правила в верхушке общества?

Я тут же активно замотала головой, откидывая эту идиотскую теорию. Даже если девочки его мира были не против такой игры, то есть фильмы, книги, сериалы, песни, в конце концов. Неужели он не знает основ ухаживаний хотя бы оттуда? Вывод напрашивался сам собой – он просто ничтожество, которое за счет таких девочек, как я, сбрасывает негатив, тщательно накопленный изнурительным рабочим днем в корпорации.

– Какого хрена так долго?! – вместо приветствия нервно спросил меня Роберт, едва я шагнула на ступеньку, ведущую на первый этаж. Думать о Шаворском оказалось намного проще, чем увидеть в живую... И вот стоит передо мной широкоплечий статный мужчина в дорогом черном костюме с расстегнутыми тремя верхними пуговицами, а я не чувствую к нему ничего, кроме отчуждения и страха сделать шаг не туда и снова угодить на тот чертов стол. Увидев, как я замерла на месте, он гневно просверлил меня взглядом и снова спросил, но на тон выше: – Поэтому тебя так долго не было? Ты так в каждом проеме по десять минут стояла?

– Платье... – прохрипела я не своим голосом, обратив внимание Роберта на этот предмет одежды. Его ничего не выражающий взгляд прошелся от самых колен до плеч так медленно, что я буквально чувствовала кожей, куда он сейчас смотрит, так как на это месте появлялись мурашки и едва заметный холодок. Сжав кулаки, я все же заставила себя сказать: – Платье слишком узкое. Мне тяжело в нем ходить.

Роберт растерянно перевел взгляд на меня, словно не ожидал услышать мой голос и был сейчас занят чем-то другим, более важным. Бросив последний взгляд на мое платье и неодобрительно покачав головой, из-за чего я недовольно поморщилась, он быстро поднялся ко мне, подхватив за талию, спустил вниз и поставил на пол.

– Надеюсь, теперь процесс ускорится, – пробурчал он себе под нос и, не оглядываясь на меня, быстро зашагал к выходу.

Мне же приходилось выверять каждый шаг, пока я не замерла у самого выхода, около зеркала во всю стену. На меня оттуда смотрела совершенно незнакомая женщина средних лет. У нее был макияж а-ля "испробовала на себе всю косметику мамы, пока она не видела", или "мне срочно нужен мужик", или, на крайний случай, "я только вернулась с работы. На трассе сегодня особенно жарко. Если вы понимаете, о чем я". Прическа висела на мне как парик и превращала в отдаленную копию себя же. А платье... Ах, оно было шикарным! Жаль, что не моего размера. Да, на фигуру я не жаловалась, но никогда не выставляла ее так, как... товар.

"Он нарядил тебя как девочку, с которой не стыдно выйти в свет, – добавил масла в огонь внутренний голос. – И единственное, что ему от тебя нужно, это женские половые органы и милая мордашка, чтобы не противно было трахать".

Развивать эту мысль не хотелось, так что я просто отвернулась и пошла за Робертом. Около лужайки, на мини-парковке у самого дома, стояла черная машина, в которой я видела Роберта ранее. Длинный и вытянутый нос напоминал мне скоростные машины из гонок, а надпись "Ferrari LaFerrari" только укрепила эти мысли.

– Садись на переднее сидение, – сказал мне Роберт уже из авто и, когда я аккуратно усаживалась, торопливо забарабанил пальцами по рулю. – Черт, если бы я знал, то заказал бы еду из "РемНуар" на дом! Это последний раз, когда ты едешь со мной куда-то.

– А я и не просила тебя брать меня с собой, – спокойно, размеренно, чтобы это не показалось некоторым оскорблением, повышением голоса или непослушанием, сказала я. – Я могу выйти хоть сейчас и исчезнуть из твоей жизни, как будто меня и не было.

Роберт ничего не сказал, но то, как сильно он разогнал машину, было намного многословнее. Пришлось быстро пристегиваться и вжаться в кресло всем телом. Половину дороги я то и делала, что молилась богу, чтобы не вывел какого-нибудь несчастного водителя нам на дорогу и мы доехали до места ужина живыми.

– Как твоя попа? – разрушил молчание Роберт, и я невольно покраснела. – Клавдия дала тебе таблетку обезболивающего?

– Да, – коротко ответила я, а затем задала следующий вопрос, чтобы перестать думать о том, как скоро нашу машину занесет на повороте и мы перевернемся. – Ты вроде давал мне ее ранее. Зачем снова?

– То, что давал тебе я, называется противозачаточное, – лаконично пояснил он, а затем зачем-то добавил: – Я имею в виду твой первый вагинальный секс. Мы ведь не предохранялись.

От его последнего предложения меня скривило, как от кислой конфеты, и я отвернулась к боковому стеклу, просидев так до прибытия.

"РемНуар" оказался рестораном на окраине города, больше похожим на особняк какого-то лорда или замок принца. Высокое здание в стиле раннего барокко отлично вписывалось в идеальный зеленый газон, украшенный туями, разноцветными пахучими цветами, "коврами" из кустов лаврового листа и круглую стоянку под открытым небом, в середине которой была небольшая лужайка с мраморным фонтаном. Судя по тому, что я не видела ни одного "ланоса" или даже джипа, место особо пафосное.

Роберт вышел из машины и, прежде чем я успела что-то сделать, обошел ее, подал мне руку. Этот внезапный приступ галантности ввел меня в состояние ступора, и только его покашливание давало понять, что пора либо принять ее, либо отказать.

Естественно, я ее приняла, понимая, что это иллюзия выбора, но не он на самом деле. Пока мужчина медленно вел меня в сторону парадного входа под руку, подстраиваясь под мой черепаший шаг, я вошла в режим мозгового штурма и все никак не могла понять: откуда вдруг такая учтивость? Неужели он и правда решил удариться в букеты-конфеты?!

Ответ пришел сам собой... Все вокруг пылливо разглядывали нас, даже швейцар в красном мундире, и потому Роберт, как глава корпорации "ZoMalia Industries" и публичный человек, не мог упасть в грязь лицом. Вдруг папарацци за углом, а он спутнице ручку не подал? Ай-яй-яй! Папа еще может по попке надавать...

– Добрый день! – швейцар приветливо улыбнулся Роберту, не мне, и на такой же позитивной ноте продолжил: – Ваш столик как всегда готов и ждет Вас.

"Ага... Значит, он тут постоянно бывает, а тебя из жалости взял!" – снова сумничал внутренний голос.

Шаворский вел меня внутрь под тихую классическую музыку, кажется, это был Шуман "Концерт для фортепиано". Для себя я подчеркнула, что ничего общего со стилем нуар и с внешней оболочкой здания тут нет. Очень высокие потолки, большие круглые столы с белозолотистыми скатертями, за каждым из них сидели люди в дорогих вечерних костюмах и тихо о чем-то переговаривались.

Спиной я ловила на себе прожигающие взгляды, хотя в глаза нам никто не смотрел. И даже официантка, на которой белая блуза и длинные расклешенные брюки были дороже, чем мой парадно-выходной костюм, не смотрела нам в глаза, а провела к столику в самом центре зала, глядя либо себе под ноги, либо куда-то в сторону.

– Расслабься, – шепнул Роберт мне на ухо, когда отодвигал для меня стул, на котором, внимание, лежала подушечка, а затем вернулся на свое место и, не глядя в меню, а прожигая меня своим стальным взглядом, сказал девушке: – Все как обычно, только на двоих.

Не знаю, правильно ли я поняла этот жест, но он как будто говорил: "Я не водил в ресторан никого. Кроме тебя". К сожалению, должного эффекта это на меня не произвело, так как я была слишком взволнована из-за собравшейся вокруг публики, которая с нашим прибытием стала живее, и угрюмого, угнетающего еще больше молчанием Роберта.

Через пятнадцать минут удушливой тишины нам подали стейк из мраморной говядины и легкий салат из овощей, к тому моменту я уже от скуки выпила целый бокал вина, который принесли, как только мы сделали заказ. Роберт заказал еще бутылку, чем окончательно меня смутил.

Ужин проходил молча, в какой-то момент я уже совсем забыла, что не одна, и окунулась в прекрасный вкус говядины, которую раньше терпеть не могла.

– Роберт?.. Это действительно ты? – звонкий голос оторвал меня от тарелки и заставил оглядываться в поисках его обладателя. Мужчина лет тридцати со светлыми кудрявыми волосами в светло-голубом костюме шел в нашу сторону с обворожительной улыбкой. Его золотые волосы, правильный овал лица, худоба, горбинка на носу и тонкие губы выдавали в нем аристократа, а голубые веселые глаза делали его еще и очень обаятельным мужчиной. – Я собирался навестить тебя завтра в офис. Неужели ты и правда покинул Америку и вернулся в нашу скучную Россию?

Я искоса посмотрела на Роберта, который едва заметно улыбнулся уголками губ и тут же ответил с нескрываемой иронией в голосе:

– Если бы я не вернулся, то ты бы заперол "ZoMalia line" к чертям собачьим.

– Что за выражения, господин директор?! – театрально воскликнул мужчина и перевел взгляд на меня. – Вы собираетесь вызвать меня на ковер при юной леди?

Этот парень мне явно нравился, и не только за свой веселый нрав, но и за то, что смог разглядеть юную леди под слоем штукатурки.

Не в силах сдержать ответную улыбку, я посмотрела на Роберта, почему-то ожидая, что он включится в игру. Но он только прожигал меня гневным взглядом и ледяным, как арктические снега, голосом сказал:

– Артем Фукс, директор "ZoMalia line", – я перевела свой добродушный взгляд на Артема, а тот весело мне подмигнул. Я же, снова посмотрев на Роберта, ожидала, как он представит меня. – Полина Мышка – моя будущая жена.

От этих слов улыбка тут же спала с моих губ, а почва пропала под ногами. Хорошо, что я сидела на стуле и смогла невзначай облокотиться на него, как будто просто задумалась или устала, а не пребывала в полной прострации.

"Все сходится! Он нарядил тебя, умыл, причесал и представил своей публике, чтобы все знали, что ты его... только уже не просто игрушка, а жена", – помог внутренний голос. Я тяжело прикрыла глаза, слегка потеряв пульсирующий висок. "Кажется, ты попала даже больше, чем думала, Полина... Только вот зачем брак, если можно держать тебя силой в доме и никто тебе не поможет?"

Ответов не было, как и вопросов, которые я бы могла задать в присутствии очаровательного незнакомца, не устроив при этом скандал.

Глава 7

– Вот это новость, Роберт! От всей души вас поздравляю! Да... Кто бы мог подумать, – слишком громко воскликнул Артем, заставив людей за соседними столиками пылливо покоситься на нас и наострить свои ушки. – Жаль, что ты уже успел очаровать эту прекрасную девушку, а то я бы с тобой поборолся за ее внимание.

Сейчас у меня не было настроения поддерживать шуточную беседу, я просто посмотрела на Роберта, стараясь вложить в мой опустошенный взгляд вопрос: "За что?". Но Шаворского это не только не задело, но и разозлило, судя по сцепленным губам.

Пытаясь скрыть нервный смех от безумности ситуации, я вдруг резко вскочила с места, шумно отодвинув стул. Роберт и Артем тут же обратили свои взгляды на меня, собственнно, как и половина зала.

– Мне нужно в дамскую комнату, – прошептала я себе под ноги и быстро засеменила прочь от мужчин, даже не глядя в их сторону. Наша официантка, словно статуя, стояла у выхода в соседний зал, но, едва увидев меня, оживилась, тут же поинтересовавшись, чем она может помочь. – Мне нужна дамская комната, – ответила на ее вопрос.

Невзирая на мои просьбы пройти по указанному маршруту самостоятельно, девушка увязалась меня проводить. Очень сомневаюсь, что это ее инициатива, скорее всего, просто какое-то тупое правило ресторана.

Большая комната пахла цедрой лимона и свежестью. Светлый мрамор с мелким золотистым рисунком окружал все вокруг, кроме туалетной кабинки, обшитой темным деревом. Умывальник оказался стеклянным, в виде громадной розы, и, несмотря на обильное головокружение, я подумала о бедных людях, которые своими руками натирают это каждый день после сотен девушек, любящих позировать перед подобной роскошью, а потом выложить такую красоту в социальные сети.

Опершись обеими руками на раковину, я заглянула в зеркало и ничего там не увидела, так как глаза покрывала некая дымка. Было странно, что обычная фраза насчет будущей жены может возыметь такой эффект на человека. В конце концов, он же не сказал, что убьет меня или что у меня смертельный недуг. Ну, или он мог просто пошутить перед другом, а если бы я не убежала, то успел бы об этом сообщить и мы вместе посмеялись.

– Да, Роберт еще тот шутник... – сказала я зеркалу и нервно, немного истерически расмеялась своему идиотскому предположению.

Сейчас мне не хватало моей лучшей подруги Тани. Естественно, я бы не стала возлагать на ее плечи груз, содержащий в себе всю информацию о наших с Робертом непростых отношениях, но даже простой треп ни о чем помог бы мне расслабиться и, что называется, проветрить мозги, дабы начать трезво размышлять, как выбраться из этой черной дыры под названием "Роберт", засасывающей меня все глубже.

Опустив крышку унитаза, я плюхнулась на него и, сбросив на пол туфли, от которых уже ощутимо ныли ноги, зарылась лицом в ладони, словно закрываясь от всех проблем.

Было странно понимать, что вся эта вакханалия происходит со мной, а не с какой-то дурочкой-малолеткой, ищущей папика по клубам.

А ведь я только сейчас поняла, что никогда не собиралась заводить семью и уж тем более не молилась на семейные ценности. Мое представление идеальной жизни было таким: я являюсь директором юридической фирмы, имею месячный заработок не меньше десяти тысяч долларов, всегда занята работой и лучший специалист в своей области. Конечно, я планировала заниматься сексом с мужчинами, а не только самоудовлетворением, даже, возможно, заводить долгосрочные романы. Но брак?! Дети?! Быт?! Нет... Это не то, ради чего я пахала столько лет.

Стук в дверь вывел меня из полного погружения во внутренний мир, и я вдруг поняла, что стучат уже довольно давно. Скорее всего, я проторчала тут слишком долго, и навязчивая официантка пришла проводить меня обратно.

Сразу дернувшись в сторону дверей, я замерла и насупила брови. Не хотелось покидать единственное убежище, хотелось растянуть эти минуты спокойствия и уединения на более длительный срок.

Стук повторился уже более настойчиво.

Оглянувшись по сторонам, я с горечью осознала, что не могу жить в туалете, даже если он лучше, чем моя спальная комната у девочек. В голову пришел гениальный план: попросить ее вывести меня через черный ход, пообещав золотые горы, а дальше попытаться сбежать из города. Во всех ситуациях, что не касались Роберта, я была очень коммуникабельным человеком и могла уболтать любого на выгодных только для меня условиях.

Быстренько надев туфли обратно, я резво побежала на встречу с возможной свободой и, натянув дежурную улыбку, все же открыла злополучную дверь.

Дальше все случилось так быстро, что я сознала происходящее только тогда, когда дверь была заперта, а я прижата к стене, сидя на небольшом столике около раковины... Роберт быстро переступил порог, затолкал меня внутрь комнаты и запер ее ключом изнутри.

Ошарашенный мозг среагировать не успел, а вот тело на уровне рефлексов оказалось сообразительнее. Только вот видя мои смешные попытки убежать на каблуках и в платье, в котором я хожу, как черепаха, Шаворский просто поднял меня под попу и усадил на столик, плотно пригвоздив к стене.

– Как ты нашел меня?! – выпалила я первое, что пришло в голову, и сама же скривилась от подобной тупости. Еще бы спросила, почему он меня левой рукой к стене прижал, а не правой...

– Официантка, – немного растерянно бросил мне Роберт, словно сам удивился, почему я задала именно этот вопрос, а затем гипнотизирующим и не терпящим возражения голосом процедил: – Если не будешь кричать и брыкаться, то сможешь выйти отсюда уже через две минуты.

В этот момент я замерла, ожидая, что же будет дальше. Возможно, он и правда просто хотел поговорить...

Но вместо этого Роберт засунул руку во внутренний карман пиджака и достал пакет с какими-то железными шариками. Немного поразмыслив, он всучил его мне, а сам отошел помыть руки. Пока он проделывал все тщательно и размеренно, я успела рассмотреть этот загадочный объект: два небольших и легких шарика были связаны между собой нитью. Мне почему-то показалось, что это детская игрушка или брелок на телефон...

– Встань, – скомандовал Роберт, и я уже надеялась на его "уходи", когда он сбросил с себя пиджак и застелил им поверхность стола. После чего снова обратил внимание на меня и одним резким движением задрал платье до самого лифа вверх. – Приляг на пиджак и раздвинь ноги! – видя мое замешательство, он снова подхватил меня под пятую точку и усадил на свой дорогой пиджак, только таким образом, чтобы половина тела плотно прилегала к столу. – Ничего не бойся. Это вагинальные шарики.

Мне это ни о чем не говорило, но слово "вагинальные" ничего хорошего не предвещало. Также мне было известно, чем заканчивается протест против Шаворского, и избиение хлыстом пугало больше, чем загадочные маленькие шарики.

– Я понятия не имею, что это, – испуганно сказала я, когда Роберт стягивал с меня трусы.

– Что за детский сад! – немного яростно пробурчал себе под нос он, и затем я увидела, как была разорвана упаковка, а Роберт начал медленно приближаться к моему лону с монотонными словами, словно пытаюсь отключить мое чувство самосохранения или прочитать усыпля-

ющую лекцию: – По сути, это тренажер для повышения мышечного тонуса влагалища. Внутри каждого шарика подвешены железные грузики, колеблющиеся при малейшем движении. По факту, после часа внутри с этой игрушкой ты будешь хотеть секса, как сучка... – меня его слова совершенно не успокоили, поэтому я сжала ноги. Роберт досадно вздохнул и, переведя взгляд на перепуганную меня, покрутил шарики перед моим лицом, держа за длинную веревку. – Вот это я введу тебе в вагину, и ты проходишь с ними до конца вечера. Обычно их смазывают специальной смазкой перед введением, но об этом я позаботился еще дома. Сейчас ты расслабишься, и я медленно вставлю их в тебя. Потом ты поднимешься, а я дам тебе пару минут привыкнуть к новым ощущениям, затем мы вернемся в зал.

– Нет, – жестко ответила я, понимая, что совершенно не доверяю этому человеку. Может, это и правда какой-то тренажер, но разве можно пойти на такое добровольно и от рук малознакомого озабоченного маньяка?! Разве сексуальными игрушками пользуются не влюбленные пары, когда их сексуальная жизнь немного тускнеет?! – Ты не засунешь эти штуки в меня! К тому же откуда я знаю, сколько баб до меня их в себе носило?! Я не хочу подцепить какую-то болезнь!

– Как знаешь, – он равнодушно пожал плечами, но шарики не убрал. – Тогда я просто трахну тебя сейчас и опять не дам кончить. А дома тебя будут ждать плеть и анальный секс, – на его губах появилась холодная, торжествующая улыбка, когда он увидел в моих глазах, что именно я выбрала, снова наклонился к вагине и начал медленно вводить внутрь шарики, которые легко проскользнули, без каких-либо неприятных ощущений. – Расслабься. И, кстати, они были куплены сегодня, обеззаражены и использованы, естественно, только тобой, – его руки умело делали свое дело с осторожностью хирурга и спокойствием дипломата. Когда процесс был закончен, он натянул мои трусики обратно и коротко постановил: – Все, вставай.

Прислушиваясь к почти не ощутимым изменениям, я быстро встала и замерла. Маленькие и легкие для рук шарики оказались вполне ощутимы внутри меня. Пришлось немного напрячь мышцы, чтобы они тут же не выкатились. Но, честно говоря, это была не большая жертва, и я вполне могла бы так проходить не только вечер, но и два. Лишь бы Роберт ко мне не прикасался...

– Как ты натянула это платье? – не скрывая своего интереса, спросил меня мужчина, и с помощью зеркала перед глазами я увидела, как внимательно он смотрит на мою попу, хотя руки при этом держит на подоле платья.

В этот момент в его глазах промелькнуло что-то такое... человеческое, что ли, похожее на сочувствие, раскаяние и сожаление. Но стоило ему ощутить мое внимание, как наши взгляды встретились в зеркале и к нему вернулась былая холодность, с которой он резко вернул задранное платье на прежнее место и отступил к двери. Руки почему-то после "процедуры" он так и не помыл...

– Я заказывал минимальный размер, видимо, тебе нужен больше, – равнодушно продолжил свою мысль он и, достав ключ из кармана, открыл мне дверь.

Пока Роберт возвращался за пиджаком, я уже успела уйти от дамских комнат в общий коридор, но Шаворский быстро догнал меня и, крепко взяв под локоть, дал понять, что я должна идти рядом с ним.

По пути к нашему столику я ловила на себе уже осмелевшие взгляды посетителей, и у меня даже были некоторые предположения, что им не давало спокойно есть и смотреть в свои тарелки.

– Что за новость с замужеством? – еле слышно спросила я его, стараясь улыбаться и не выглядеть затравленной. – Это какой-то новый вид истязательств?

Роберт промолчал, возможно, из-за того, что мы уже подошли к нашему столику, где сидел Артем. Шаворский без слов отодвинул мне стул, пока Артем дарил мне чарующую улыбку, пролепетав наиграно печально:

– Полина, надеюсь, Вы не расстроены, что я присоединился к вашему свиданию по просьбе друга? Пока Вы отлучались, мы успели урегулировать рабочие моменты, и теперь мне не нужно ехать завтра к Роберту на ковер, я могу спокойно расслабиться в этом прекрасном ресторанчике и выпить бокал вина с чистой совестью! – он демонстративно приподнял бокал и чокнулся с воображаемым собутыльником. Затем мужчина замер, и его глаза поднялись к шикарному позолоченному потолку с хрустальной люстрой в порыве эстетического оргазма. – Боже мой... Вы слышите то же, что и я? – я кивнула, понимая, что он говорит о мелодии, которую только-только начали играть музыканты на небольшом подиуме. – Это же Георгий Свиридов, "Венский вальс". Когда я впервые увидел фильм "Метель" тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года, то понял, что эта мелодия способна свести меня с ума своей изысканностью и красотой. Поэтому я слушаю ее не реже раза в неделю! – последнее предложение он заговорщически прошептал, немного наклонившись в мою сторону, и я невольно улыбнулась. Глаза Артема задумчиво прищурились, а затем он восторженно и с театрально напыщенной и свойственной ему самоиронией в голосе спросил: – Полина Мышка, согласитесь ли Вы танцевать этот вальс со мной?

Я растерянно посмотрела на небольшую площадку, где по идее должны были танцевать люди, и ответила ему:

– Я не очень хорошо танцую, да и никого, кроме нас, на танцполе не будет...

– Первое: я прекрасно танцую и смогу вести Вас в танце так, что Вы захотите бросить своего жениха и влюбиться в меня! – мы с Артемом одновременно посмотрели на Роберта, который внимательно слушал наш разговор с безэмоциональным выражением лица, поэтому Артем почувствовал полную вседозволенность и продолжил: – К тому же эти напыщенные снобы... – он обвел указательным пальцем зал, – слишком высокого о себе мнения, чтобы решиться потанцевать. Им нужна пара лидер, которая поведет их за собой. Ну так что, Полина по фамилии Мышка, Вы согласны принять мое предложение о танце?

Я снова посмотрела на Роберта, окатившего меня ледяным взглядом, словно наш с Артемом разговор не доставляет ему ничего, кроме мигрени, и уверенно ответила:

– Да!

Артем тут же встал со своего места, и я с интересом заметила, что на его стуле нет такой подушки, как на моем. Неужели Шаворский побеспокоился? Эту мысль я отложила до возвращения за стол, а пока окунулась в чувственный вальс.

Что я могла сказать о танце с Артемом? Как бы это противоречиво ни звучало, но это была просто песня. Его уверенные движения опытного танцора компенсировали мои неточности и делали из нас танцоров, достойных любого конкурса. Слава богу, я хоть не наступила ему на ногу, что делало мою самооценку чуть выше от планки "никудышная уличная танцовщица".

Было одно большое "но" во всей этой ситуации. В непринужденном разговоре с моим партнером я старалась умеренно дышать и не показывать, с каким трудом мне дается каждый шаг. А всему виной эти чертовы шарики, от которых я уже готова была накинуться на первого встречного. Только вот, чтобы кончить, одних только шариков маловато, да и накинуться кое-кто мне не даст...

– Кажется, у вас сложные отношения с Робертом, – резко перевел тему с балета на отношения Артем. – Поверьте, я впервые вижу его с девушкой в ресторане, да еще в том, где рождаются самые горячие сплетни, которые потом попадают в СМИ. Хм... Чтобы Вы понимали... Роберт сказал, что Вы его невеста, в месте, где полный зал его знакомых по работе и засланных репортеров. Не удивляйтесь, Полина, если завтра во всех газетах будет ваша фотография и подробное описание вашего с Робертом ужина.

От этой мысли в животе болезненно заныло, а дурацкие шарики в очередной раз надавили на какую-то особенно чувствительную точку, заставляя сжать спину Артема так крепко, что я побоялась помять его светлый пиджак.

– Не переживайте, Полина, Вы прекрасно танцуете, а огранку Вашего бриллианта доверьте мне, – расценив мой жест по-своему, пафосно сказал он, а затем разрядил атмосферу шуткой: – Вы можете прижаться ко мне еще ближе... Мне, как мужчине, это безумно приятно, но директор внутри меня рыдает крокодильими слезами, потому что с каждым Вашим движением в мою сторону, моя работа все дальше от меня отдаляется. Если Роберт выгонит меня с работы, придется податься в танцоры! Возможно, придется проситься на работу в "РемНуар" и растанцовывать местную публику.

Представив, как голубоглазый блондин в лосинах и майке (почему-то я могла вообразить подобную ситуацию только в такой одежде) танцует под Шопена между столиками, тем самым шокируя своими действиями местный контингент, я весело расхохоталась.

В этот момент Артем повернул меня таким образом, что мне невольно на глаза попался наш столик, за которым сидел и смотрел прямо на нас Роберт. Его стальной взгляд окутал меня целиком и обдал холодной злобой, которая читалась в его темных глаза. Не было в них былого безразличия, а был ничего хорошего не обещающий поток льда, упавший мне на голову холодным градом. Ведь я уже видела этот взгляд, когда стояла, облокотившись на дверь в доме Шаворского. В прошлый раз все закончилось поркой, а что будет в этот раз – представить страшно.

– Мы можем с Вами перейти на "ты"? – отвлек меня от размышлений Артем и тут же в шутку продолжил: – После такого тесного танца я просто обязан на Вас как минимум жениться! Жаль, Ваша судьба уже предрешена...

Мужчина даже не предполагал, какими болезненными были для меня его последние слова и как красочно они описали сложившуюся в моей жизни ситуацию. Вязкий ком снова подобрался к горлу, а маленькие шарики внизу живота задели особо чувствительную точку, из-за чего я еще плотнее прижалась к Артему и, вымученно улыбнувшись, пробормотала сквозь зубы:

– Конечно...

Танец был окончен, и я уж слишком резко отскочила от мужчины, прерывая его возможные попытки пригласить меня на следующий. Первое: меня уж сильно пугали взгляды Роберта, которые я ловила даже спиной. Второе: шарики разыгрались настолько, что было ощущение, будто я выпила пол-литра женской виагры. Теперь даже от вида столов и вилок в моей голове возникали пошлые мысли. Чертов Роберт просчитал все!

– Твоя невеста прекрасно танцует! – отодвигая передо мной стул, проинформировал "жениха" Артем. Его совершенно не смущало, как сильно похолодели глаза Шаворского и что он не отводил от меня уничтожающего взгляда. Пребывая все в том же приподнятом настроении, он добавил масла в огонь: – Правда, Полина? Надеюсь, я не отдал тебе ноги и ты не станешь распускать слухи о моем неумелом вальсе? Это очень подпортит мою репутацию среди девушек, а ведь мой коронный способ познакомиться поближе – это именно вальс.

Его особо выделенные слова "ты", "тебе" и "способ познакомиться поближе" говорили мне, что этот мужчина не так прост и наивен, как хочет показаться на первый взгляд. Оторвавшись глазами от Роберта, я удивленно посмотрела на Артема, понимая, что стала в его умелых руках всего лишь игрушкой, с помощью которой он позлил своего непосредственного начальника, и тот факт, что я разрешила ему называть себя на "ты", говорил только о том, что Артем выиграл этот раунд вчистую. Но не войну.

– Ох, Артем... Тогда я вообще ничего не буду говорить, чтобы не подпортить твою репутацию! – с как можно более искренней улыбкой выпалила я, стараясь добавить сожаления в голос. Лицо мужчины онемело, а улыбка медленно сползла с губ... В этот момент я почувствовала себя плохим человеком, так как не была на сто процентов уверена в мотивах мужчины и не могла так жестко обращаться с ним. Пришлось поспешно оправдываться, снова переходя на

"вы": – Понимаете, дело не в Вас... Но меня сложно покорить танцем, вот если бы Вы зачитали наизусть Гражданский кодекс Российской Федерации, то поразили бы меня в самое сердце!

Эта была профессиональная шутка, и я искренне надеялась, что он рассмеется и мы разойдемся на хорошей ноте, но Артем хитро улыбнулся и понимающе спросил:

– Юрист? – я кивнула и увидела волшебное преобразование. Лицо мужчины стало черствым и отстраненным, глаза стеклянными, а общий настрой слишком уж деловым. В этом состоянии он, словно заведенный робот, начал монотонно зачитывать, глядя куда-то мимо меня: – Часть первая. Раздел первый. Общие положения. Подраздел первый. Основные положения. Глава один. Гражданское законодательство. Статья первая. Основные начала гражданского законодательства, – после этого небольшого преювя он откашлялся и продолжил более расслабленно: – Пункт один. Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства...

– Кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления... – скучающим голосом продолжил Роберт, словно это был обычный разговор о погоде, глядя на зардевшегося друга.

– Нарушенных прав, их судебной защиты! – закончила я за Шаворским, стараясь не уронить челюсть на стол. Глядя на мое замешательство, Артем рассмеялся, и я сбивчиво пояснила: – Я было надеялась, что это мой козырь – зазубривать всю нужную литературу назубок, но, оказывается, мои знания довольно поверхностные по сравнению с вашими...

– Полиночка, надеюсь, Вы не думали, что владелец и непосредственный директор "ZoMalia Industries" и директор "ZoMalia line" получили свои должности за красивые глазки? Хотя... – он состроил смешную гримасу и выпучил глаза так, что я рассмеялась. Затем он снова превратился в серьезного бизнесмена и более серьезно спросил: – В "ZoMalia line" свободно место главного юриста. Зарплата прямо пропорциональна нагрузке и обязанностям. Очень большая! Но человек, который знает наизусть Гражданский кодекс Российской Федерации, может попытаться удачу в кастинге... Это очень достойное место. По сути, моя правая рука. Что скажешь?

Я растерялась, не зная, стоит ли говорить, что как раз благодаря тому, что попыталась удачу, и сижу сейчас здесь... попой на подушке и с шариками в...

С этим немым вопросом я обратилась к Роберту, лицо которого заметно расслабилось, словно он что-то для себя выяснил и теперь более-менее спокоен.

– Полина не нуждается в работе, – коротко пояснил он Артему. – И если ей и захочется испытать свой явный талант в юриспруденции, то это будет непосредственно главный офис и место рядом со мной.

Было что-то непростительно грубое в этих словах, заставивших меня подумать, что Роберт окончательно потерял над собой контроль и больше не играл роль неприступной крепости. Артему удалось вывести его на эмоции, и все они были негативными.

То же самое я нашла и во взгляде улыбающегося Артема. Едва уловимая искорка где-то глубоко-глубоко в его голубых глазах говорила о том, что эти люди были лишь партнерами по бизнесу, тщательно сохраняющими видимость хороших приятельских отношений. Заклятые друзья, так, кажется, это называется.

– Пожалуй, мне уже пора, – Артем расстроено покосился на дорогие ручные часы, а потом в свойственной ему манере продолжил: – Злой начальник не простит, если я приду на работу позже девяти часов.

– Ты всегда можешь поменять начальника, – с долей иронии в голосе поправил его Роберт, и Артем издал нервный смешок. – Но мне будет чертовски сложно справиться с работой без такого высококлассного специалиста.

– Фух, а я уже думал, пора покупать балетки, лосины и проситься в "РемНуар"! – пошутил мужчина, и мы с Артемом отчаянно расхохотались, ловя на себе непонимающие и немного раздраженные взгляды Роберта. Это потом я поняла, что это был очередной раунд, который я помогла Роберту проиграть, но тогда мне все временами казалось непринужденной беседой, к которой я привыкла в своем окружении. – Пока, друзья! Надеюсь вскоре увидеть вас, – последние слова были обращены к нам обоим, но смотрел Артем только на меня и именно мою руку целовал в знак прощания, заставив немного смутиться и отвести от мужчины глаза.

– Почему ты его не уволишь? – едва Артем скрылся из моего поля зрения, как я обратилась с этим вопросом к Роберту и застала его врасплох. Пришлось пояснить мое мнение: – Очень скользкий тип... На него нельзя положиться на сто процентов.

– Никому нельзя доверять на сто процентов, Полина... – спустя где-то минуту сказал Роберт, словно все это время подбирал правильные слова. – Мои подчиненные должны бояться меня и делать свою работу слаженно, качественно и в срок. Человеческие же качества для меня роли не играют.

– Но ты позволяешь своим подчиненным называть себя по имени! – припомнила я ему Каролину, девушку, которая когда-то привела меня в его кабинет.

– Несмотря на то что я их непосредственный начальник, мы все находимся в равном положении. У каждого свой перечень обязанностей и обращение "Роберт Аркадьевич" или "Роберт" не влияет на качество их выполнения. Если я попрошу их называть меня по имени и отчеству, то сразу поставлю себя выше их, а это неправильно в слаженном коллективе, где, убрав одну деталь, ту же секретаршу или уборщицу, мы тут же разрушим единый слаженный механизм... – слушая его приглушенный и уверенный голос, я понимала, что этому человеку не нужно принуждать людей к уважению, прося называть себя Роберт Аркадьевич, они будут это делать сами, потому что он хороший специалист и достойный начальник. В тот же самый момент его подчиненные будут знать, что он готов к диалогу, уступкам и рассмотрению казусных ситуаций, но никогда не смирится с ленью, пренебрежительным отношением к работе и, грубо говоря, подставами. Это именно то, что я искала для себя, когда думала о будущей работе.

Вот тогда, именно в тот момент, я поняла, что уже никогда не смогу относиться к Роберту апатично, как к незнакомому мужчине. Было что-то такое, что он позволил мне увидеть в своем внутреннем мире, и теперь мы были неразрывно связаны. Мне не нравилось, что я ищу в человеке, способном на такие жестокие поступки в отношении меня, положительные качества. Но еще больше мне не нравилось, что я их находила. Меня до чертиков испугала мысль, что я могу в него влюбиться, так как это было не только странно, но еще и... опасно.

– Пойдем. Нам пора, – вытянул меня из глубоких размышлений Роберт, а я и не заметила, что уже непозволительно долго рассматриваю полупустой бокал вина.

Мужчина уже привычным движением подал мне руку и помог встать со стула. Расплачиваться он не стал, но об этом я уже не думала. Ведь пока я сидела, сладкий клубок внизу живота еще можно было контролировать, но когда поднялась с места, то чуть не вскрикнула от надвигающегося оргазма. И вновь шариков не хватило, чтобы получить такую вожденную разрядку, поэтому я просто мертвой хваткой вцепилась в предложенную Робертом руку и слышала его тихий смехок.

Пройти через весь громадный зал "РемНуара" оказалось героической задачей, ведь все вокруг провожали нас взглядами, и я уже всерьез обеспокоилась, что завтра новость о "невесте" Шаворского действительно разлетится в СМИ.

Наивно надеявшись, что после выхода из зала дорога до машины будет легче, я совершенно забыла про бесчисленное количество ступенек на парадном входе. Роберт, словно издеваясь, ускорил шаг, превращая мое тело в оголенный нерв. Дышать ровно стало совершенно

невозможно, как после занятия в спортзале, но я отчаянно делала вид, что все прекрасно. И только рука, дергавшаяся при очередном шевелении шариков, выдавала мои истинные чувства.

Когда наконец села в машину, то облегченно выдохнула. Но едва мотор заревел, а Роберт то газовал на полную мощность, то притормаживал на светофоре, я поняла, что только теперь шарики заработали в полную силу. Все камушки, повороты, остановки и даже вроде как обычная ровная дорога вызывали целую гамму острых ощущений внизу живота.

Меня кидало то в жар, то в холод. Соски болезненно напряглись. Стараясь хоть немного облегчить себе участь, сбросила туфли и немного опустилась на сидении, поддерживая себя за талию, чтобы не бросало по салону от бешеной езды Роберта. Дыхание было учащенным, и скрыть это не было никаких сил.

– Ах!.. – в какой-то момент стон все же не удержался внутри и выпустил немного скрытого желания наружу. Роберт был прав – мне до безумия хотелось секса, и кроме этого я чувствовала себя безумно сексуальной... Томное вождение копилось внизу живота, клитор сладко пульсировал, пока я медленно проводила рукой по своей талии, изучая ее впервые не просто как часть человеческой физиологии, а как возможный возбудитель. Наконец, мои руки дошли до груди... Хотелось притронуться к вибрирующим соскам, которые терлись о твердый лиф, заставляя стискивать зубы в немом стоне. Вторая моя рука аккуратно шла от колена вверх по платью, останавливалась на том месте, где под бельем и платьем томился клитор, который, почувствовав мою руку в такой близости, снова сократился, вызывая очередной хриплый стон наслаждения: – Черт! Боже мой...

Внезапно машина затормозила, одним резким поворотом руля свернув в лес, где автомобили уже до нас успели вытоптать небольшую мини-стоянку.

Темнота за окном заставляла нас почувствовать себя одинокими в этом мире и в этой машине. Когда я повернула голову в сторону Роберта, то поняла, что все это время он наблюдал за моими манипуляциями, а теперь его глаза не выражали ничего, кроме похоти и неприкрытого желания.

– Встань коленями на сидение, – гортанно скомандовал он, рассматривая мое тело и руки, все еще ласкающие себя. Последовав его приказу незамедлительно, я ждала, что будет дальше... А он быстрым и ловким движением расстегнул ремень с массивной бляхой и пуговицу на брюках, только после это отдавая новый приказ: – Иди ко мне, мышка.

Здравый рассудок в это время спал и видел волшебные сны о том, как я, не говоря ни слова, села на него сверху, позволив стянуть с меня платье через голову. Когда я осталась в одном лифе и трусиках, его руки жадно потянулись к моей груди, вознамериваясь освободить ее из тесного и мешающего нам обоим заточения, но я аккуратно положила руку на его запястье и осторожно попросила:

– Я не хочу, чтобы и в этот раз ты был одет... Пожалуйста.

– Хорошо, – после несколько длинных секунд, когда внутри меня все металось, ответил мужчина и начал быстро расстегивать многочисленные пуговицы на рубашке. Глядя на это завораживающее зрелище, я, руководствуясь древними инстинктами, сама потянулась к его пуговицам и напоролась на заинтересованный взгляд: – Давай, можешь сделать это сама.

Мои руки медленно и неумело расстегивали его дорогую рубашку, пропитанную парфюмом, пахнущим свежестью и... желанным мужчиной. Может быть, это был его собственный запах, но он теперь навсегда останется для меня самым сильным афродизиакком.

Наконец, добравшись до конца, я нетерпеливо распахнула края рубашки и замерла, словно раскрыв подарок, которого давно желала. Это было идеальное тело мужчины, воина, оно вызывало приятное томление между ног. Но я заставила себя неторопливо стянуть рубашку с его плеч, как бы мне не хотелось ускориться, и медленно провести указательным пальцем по идеальному рельефу его мышц. С губ мужчины сорвался приглушенный стон, и, бросив на него неуверенный взгляд, я вдруг увидела, что он сидит с закрытыми глазами.

Почувствовав полную свободу действий, я начала медленно очерчивать контуры его тела, проводя параллели с высеченными из дерева статуями, такими мощными, крепкими, точеными... Вдруг на мои глаза попался тот злополучный шрам, из-за которого я и нахожусь сейчас здесь. Откидывая все давние страхи и предрассудки, осторожно прикоснулась к нему, мучительно боясь сделать мужчине больно. Не знаю, на какую боль я рассчитывала, ведь рана давным-давно затянулась, оставив после себя маленький шрам и ничего больше... Тем не менее именно в этот момент глаза мужчины распахнулись, и я поняла, что задела нечто большее, чем просто телесный шрам. Возможно, внутри остался более значимый рубец? Зажил ли он? Иначе я просто не могу понять, почему Роберт так изменился...

– Заканчивай, – жестко сказал он и затем процедил сквозь зубы: – Иначе я трахну тебя так.

Неумело, делая это впервые в жизни, я сняла с него рубашку окончательно. Только после этого он в одну секунду стащил с меня лиф и, не тратя время на разбирательство с трусиками, резко их сорвал. Эта боль судорогой ударила в низ живота, заставляя закатить глаза в молчаливом предвкушении сладкой разрядки.

Не ведя пустых разговоров, Роберт потянул за веревку и достал из меня злополучные шарики, вытянув еще и всхлип радостного предвкушения, запрещенного по всем канонам наших отношений.

Секунда – и его член уже ударяется о мой живот, пульсируя и требуя немедленной разрядки.

– Я буду входить очень медленно, чтобы ты не кончила сразу, – предупредил меня мужчина и, приподняв за талию, начал осторожно насаживать на себя. В это раз все было по-другому... Я чувствовала своего партнера, а он думал обо мне, хотя мог просто взять меня силой, абсолютно не задумываясь о моих чувствах, эмоциях, удовольствии... Его умелые руки держали меня и не давали сесть на него до конца. Лишь поэтому мне чудом удалось не кончить сразу, и я издала громкий всхлип, обхватывая мужчину за шею и ощущая его учащенное дыхание и быстрое биение сердца. – Расслабься. Дай мне войти в тебя полностью.

Медленно, осторожно, бережно он все же дошел до конца и замер, заглядывая в мои глаза, словно пытаясь просканировать меня в этот момент. В его же глазах отражалась такая знакомая похоть и... что-то еще, непонятное и не испытываемое мной и никем в отношении меня ранее.

Мы были одним целым. Я чувствовала Роберта. Знала, как тяжело ему бездействовать, давая мне время освоиться и прийти немного в себя. От мысли, что он переживает и заботится обо мне, по телу разлилось приятное тепло, а по губам скользнула еле заметная улыбка.

Мне нужно было лишь кивнуть, и Роберт включился в процесс. Его толчки были сильным, ненасытными, смелыми. Он насаживал меня на себя с таким рвением и энтузиазмом, что, казалось, он просто хочет поглотить меня целиком, высосать до дна, заполнить до предела...

В тот момент я и правда была его целиком. Я заставила себя думать, что человек напротив – мой возлюбленный и я сижу с ним в машине не по принуждению, а полюбовно. Приятное душевное тепло подогрело разгоряченное нутро, и после очередного точка я взорвалась бурей всевозможных эмоций, накрывших меня с головой, заставивших побывать на том свете и вернуться обратно. Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем кончил Роберт, я лишь почувствовала, как его теплое семя разливается внутри меня и наполняет приятным осознанием, что все идет как надо...

Я лицом прижалась к его ключице, пытаюсь прийти в себя и восстановить дыхание. Руки Роберта покоились на моей талии по-свойски, словно я была его и он не собирался меня отпустить, готовый закрыть от любой неприятности.

Запах мужчины будоражил и гонял кровь по организму в бешеном ритме, не давая включить здравый смысл, который не оставлял попыток прорваться сквозь пелену, навеянную прекрасным сексом.

В тот момент я была счастлива. Мне хотелось улыбаться и прижиматься еще ближе к Роберту, что казалось физически невозможным. Не хватало лишь одного – поцелуя, который бы завершил происходящее в этой машине и подтвердил некой своеобразной печатью, что все увиденное, прочувствованное и пережитое мною за это время – реальность, а не какой-то волшебный сон.

Потому я медленно подняла голову и посмотрела в его глаза... Там было много чувств, но там не было главного – любви. Сколько бы я не смотрела, не видела там даже нежности и банальной влюбленности. Осознание реальности было жестоким – ему было нужно мое тело, не более.

Наверное, что-то переменялось в моем взгляде, потому что его холодный, как металл, голос, разрушил остатки того уединения, что было между нами всего минуту назад, и заставил меня покрыться мурашками с ног до головы, словно от лютого холода:

– Садись на свое место.

Это был приказ, заставляющий помнить о том, кто я и где мое место. Он не сказал этого вслух, но я знала, что перешла грань, которую он так тщательно чертил многие годы вокруг себя. Ему не нужны были мои поцелуи, ему был нужен животный секс только лишь для выпуска пара и милостивая девушка, которую не стыдно вывести в "РемНуар" и представить своим друзьям и СМИ.

Перелезая на свое сидение и натягивая тесное платье обратно, я молила бога, чтобы Роберт поскорее понял, что я не самый лучший вариант ни в плане секса, ни в плане внешности. Никто не отменял моделей, которые горазды на все... А это говорило лишь об одном: скоро он наиграется мной, а значит, я смогу вернуться в свою реальность, навсегда избавившись от ледника, убивающего меня своим безразличием.

Глава 8

Роберт. Три года назад...

Девочка пришла в срок. Я ждал ее и был уже в лучшем состоянии, чем вчера. Что-то мне подсказывало, что у меня будет всего одна попытка, чтобы понравиться Полине...

В этот раз на ней были скромные, расклешенные книзу джинсы и футболка, совершенно не подчеркивающая ее точеную фигурку. Но такая Полина мне понравилась еще больше, она была словно глотком прохладного свежего воздуха, который ты жадно хватаешь ртом, выходя из душной бани.

Рана под ребром все еще ныла, но Виола замотала меня достаточно сильно, чтобы я мог спокойно сидеть и улыбаться более-менее правдоподобно.

– Ты сегодня выглядишь значительно лучше, – вместо приветствия облегченно констатировала она, словно переживала и думала об этом весь день и ночь. Приятное тепло разлилось по телу от ее слов, и я уже перестал оправдывать это банальной благодарностью. Я знал... Нет, был уверен, что это первая, настоящая и единственная любовь, за которую я готов и буду бороться. И пусть непонимающие ничего в истинной любви припишут к этому какой-нибудь синдром, но мне было на это искренне плевать! – Наконец-то я могу не переживать насчет того, как скоро меня посадят из-за тебя...

– Это единственное, что тебя волнует? – наигранно недовольно воскликнул я, будучи практически полностью убежденным, что она тоже испытывает ко мне чувства, но девичья скромность не позволяет ей показать этого. – То есть мое самочувствие тебя интересует только в плане гражданской ответственности?

Девушка немного потупилась и растерянно отвела взгляд, будто я попал в самую точку. Вот тогда я нахмурился по-настоящему, искренне не понимая, что в наших отношениях пошло не так?

– Э... Нет, конечно. Я рада, что человек выжил, – ее голос был мягким и обволакивающим, словно мед, который затягивает тебя все глубже и глубже, как зыбучие пески Сахары, но только я не пытался выбраться, а добровольно давал затянуть меня на самое дно. Но была в нем и легкая хрипотца, от которой хотелось взять ее здесь и сейчас, однако здравый смысл давал понять: не то время и место. Да и мне не хотелось ломать этого ангела, сначала нужно добиться ее согласия. И в этом случае я готов был ждать. По крайней мере, я так думал... – Как скоро тебя выпишут из... этого места?

Она снова внимательным и неодобрительным взглядом обвела комнату, но затем натянула на себя, как ей казалось, приободряющую улыбку и вопросительно уставилась на меня.

– Виола говорит, что завтра я могу отправиться домой...

– А тебе есть куда идти? – участливо поинтересовалась Полина и тут же покрылась густым румянцем, – Прости, просто вчера я возвращалась домой через тот переулок и случайно подслушала ваш разговор с отцом...

– Ну и как тебе эта сцена? – посмеиваясь над ее детской растерянностью, я откинулся на две сложенные вместе подушки и тут же замер. Перед глазами пронеслась Жанна и ее минет в том самом переулке спустя две минуты после разговора с отцом, – Ты видела... все?

Брови девушки взметнулись вверх, а на губах появилась хитрая улыбка. Кажется, ее забавляла моя обеспокоенность. Ну, или то, что ей удалось застигнуть меня врасплох.

– Все... – медленно, словно пробуя каждую букву на вкус, протянула Полина, но затем между ее бровей пролегла складка, а лицо вмиг стало серьезным. – Это она тебя так?

Мы оба посмотрели на мою "боевую рану" и замолчали. Видимо, я слишком долго раздумывал, стоит ей говорить правду или нет, потому что услышал, как она села на стоявший около койки стул, но упрямо продолжала молчать.

Я пытливо заглянул в ее глаза, пытаюсь понять, почему же она подслушала наш непростой разговор с отцом, посмотрела минет Жанны, но... ушла до нападения? Скорее всего, она не захотела досматривать уличную порнушку до конца и просто решила свалить. Или я тоже ей понравился, поэтому Полина просто не могла выносить это зрелище... Да, второй вариант намного вероятнее...

– Нет, это была не Жанна, – честно ответил я ей, и ее глаза непонимающе округлились. – И не отец... – легкий и почти незаметный облегченный выдох сорвался из ее губ, но настороженность никуда не пропала. – На самом деле я не видел, кто это был, потому что у меня были закрыты глаза...

Признаваться в таком было не только стыдно, но и неприятно. Тем не менее я твердо решил, что с этой девочкой у меня все будет по-другому, а начинать отношения со лжи и тайн не хотелось.

– Почему ты так уверен, что это не... Жанна, если ты не видел? – мне хотелось увидеть в ее глазах хоть каплю ревности, но там был только искренний и даже немного детский интерес. Это пока...

– Потому что Жанна была снизу, а удар был нанесен сверху. Но я почти уверен, что Жанна не просто случайный свидетель, а активный соучастник. Что-то типа отвлекающего маневра... – разглядывая свой счесанный маникюр на руках, сказал я, осознавая, как тяжело вести такие разговоры с девушкой, которая тебе не безразлична. – И ты должна знать, что эта Жанна для меня ничего не значит. Я ее не люблю, мы не встречаемся.

– Неужели ты не видел нападавшего? Нужно заявить в полицию. О, составить протокол! Твой отец наверняка простит и поможет тебе, когда узнает, что произошло тем вечером, если только...

"Сам не был к этому причастен", – закончил я про себя за девочку эту мысль, озвучить которую у Полины не хватило храбрости. Еще мне не понравилось, с каким холодным равнодушием она проигнорировала мое последнее предложение, словно ее на самом деле интересует только восстановление справедливости!

– В любом случае я советую тебе найти хорошего адвоката и обратиться в суд. Хотя твой отец и без меня это прекрасно знает...

– Отец... – против воли наше теплое общение задело какие-то особенные струны моей души, и я заговорил о том, о чем боялся даже подумать. – Думаю, ему будет лучше без такого сына, как я. Понимаешь, Полина, та жизнь, которую я для себя выстраивал многие годы, ведет прямиком в низы общества. И я не говорю сейчас о материальном положении, а имею в виду алкашей, наркоманов, прожигателей жизни...

– Важно, что ты это понимаешь, а значит, готов исправиться! – ее рука неожиданно накрыла мою ладонь... Этот простой жест вызвал самую что ни на есть судорогу в кончиках пальцев, которая медленно прошла по всему телу и ударила в самое сердце. Черт, это было даже физически больно! Но одновременно так приятно... Маленькая девочка одним гребаным прикосновением разрушила тщательно выстроенный мною барьер, закрывающий не только от лишнего внимания, но и возможных душевных травм. В тот момент я понял, что она может стать моей погубелью, ведь отныне любое ее слово имеет для меня колоссальное значение.

"Влюбленный придурок!" – обозвал меня внутренний голос, и я был с ним согласен.

Когда моя рука сжала ее хрупкую ручку, то в светлых глаза Полины появилось какое-то растерянное непонимание происходящего. Словно вместо овсянки ей на завтрак принести зубную пасту. Судя по ее сжатым в тонкую линию пухлым губам, она собралась сказать мне

какую-то гадость, но, бросив сочувственный взгляд на мою рану, молча одернула руку и сбивчиво пробормотала:

– Пойду я домой... Хотела тебя поддержать, а ты...

– НЕТ! Прошу... Посиди со мной... – от понимания, сколько печали и тоски сейчас в моем голосе, мне самому стало противно. Не хотелось пугать ее внезапными чувствами, поэтому я придумал вполне себе реальную причину ее задержать: – Виола заходит ко мне раз в день, чтобы оставить еду... Отца не хочу пока напрягать... Мне совершенно не с кем поговорить... Остайся хотя бы на полчаса, а потом я не буду тебя задерживать.

– Хорошо... – спустя целую минуту, тяжело выдохнув, сказала Полина, и мне показалось, что это решение было принято после долгой внутренней борьбы. Только вот с чем боролась?.. – Один вопрос мучил меня с самого нашего необычного знакомства... Почему "Виола-балетки"?

– Слушай... – посмеивался от внезапно возникших воспоминаний, и мне вдруг показалось жизненно необходимым поделиться с ней всем: и горестями, и печалью. – Мой отец и Виола тогда только были помолвлены, а так как она приехала из Америки, знакомых в Москве у нее практически не было... Да и те были настоящими су... В общем, звонит она мне и говорит: "Роберт, ЧП! Срочно беги в "МоскоуТаун"! ", это такой торговый центр... Не знаю, какой черт меня дернул, но в этот день я как раз завтракал в баре напротив. В противном случае никогда бы не приехал... – я увидел, как лицо Полины скривилось от несогласия. Оно и понятно – девочка просто ангел. – Так вот... Захожу я в кафешку "СанШайн" и вижу, как она спокойно себе сидит и попивает чаек. Хотел было уже развернуться и уйти, как поймал ее потерянный и затравленный взгляд... Оказывается, Виола наступила обеими ногами в жвачку и просидела в одной позе довольно долго... А затем, с желанием расплатиться у кассы, она вскочила с места, и подошва позорно оторвалась от обеих балеток, оставив на ее ногах только "каркас" обуви...

– И что ты сделал? – с интересом спросила она меня, чем добавила энтузиазма.

– Пошел и купил ей новые балетки! – я равнодушно пожал плечами, словно это логичный конец истории, но Полина на мгновение замерла, а затем расхохоталась.

Я смотрел на эту красивую улыбку, живой смех, горящие глаза, и сердце болезненно сжималось от мысли, что мне придется снова позволить ей выйти из этой комнаты и оставить меня одного. Поэтому я решился на отчаянный шаг...

Крепко схватив девочку за руку, привлек внимание девочки к себе и тут же начал свою речь, после которой ждал заслуженных "аплодисментов":

– Я люблю тебя, и мы поженимся, как только я смогу нормально ходить. Думаю, к концу недели я все устрою... – ее лицо окаменело, а глаза расширились. Расценив это как ее неуверенность в моих чувствах, я продолжил более настойчиво: – Ты не подумай... Я сумею нас двоих обеспечить. Папа мне поможет. Тебе не нужно будет работать, будешь только сидеть дома и ждать меня с детьми. Да, кстати, детей я хочу пять или шесть. Что скажешь?

В этот момент в ее глазах просквозило понимание, и она рассмеялась более звонко и продолжительно. Мне пришлось больно сдавить ее руку, чтобы она наконец посмотрела на меня.

– Ай! Ты чего? Ты же пошутил... – пребывая в хорошем расположении духа, она взглянула в мои серьезные, немного сердитые глаза, и голос Полины упал до еле слышного шепота: – Ты же пошутил, да?

– Нет! – мой голос звучал как приказ, и скорее всего я перегнул палку, но сейчас нужно было удержать ее любой ценой. Даже если это будет страх! – Ты будешь со мной. Чего бы мне это ни стоило. Я найду тебя везде. В любом месте. В любой щели. В каждом городе. Где бы ты ни была, теперь я стану твоей тенью.

– Послушай... – выдавая нервные нотки в голосе, Полина отчаянно пыталась вырвать свою руку из моего плена, но, даже будучи раненым, я был значительно сильнее хрупкой

девочки. – Мы вчера познакомились. Ты не можешь меня любить! Это чувство воспитывают люди в себе годами... Ну с чего вдруг?

– Ты спасла меня! – ее рука в моей побелела, но я уже не мог остановиться. Мне было нужно доказать ей, что мои чувства не безосновательны и не безответны.

В глазах Полины заблестели слезы, а отчаянье передавалось чуть ли не физически и было осязаемым, когда она ответила:

– Я выполняла свой гражданский долг!

– Ты приходишь ко мне и опекаешь! – настаивал я.

– Все это из жалости!

– Из жалости было вчера, а сегодня что, а? Разве это не симпатия?! – мой голос уже срывался на крик, когда я резко потянул ее за руку, чтобы поцеловать, но девушке удалось отклониться обратно, чем Полина разозлила меня еще больше.

– Это банальное желание не попасть в колонию для несовершеннолетних! – злобно прошипела она сквозь зубы, стараясь превратиться из милой мышки в угрожающего хищника. Получалось откровенно плохо.

– Послушай меня очень внимательно. С сегодняшнего дня ты моя собственность, и это не обсуждается, – отчеканивая каждое слово несвойственным для меня голосом, сказал я ей, глядя в ее заплаканные и перепуганные до ужаса глаза. – Смирись с этим.

В этот момент в комнату влетела Виола... Она, словно ошпаренная, подбежала к Полине и в считанные секунды оценила ситуацию. Пока я придумывал, как ее лучше послать, она ловко вытянула маленький шприц из-за спины и резко вколола его мне в предплечье, прямо через одежду.

Перед глазами все поплыло, в ушах зафонило, конечности начали неметь, но я отчетливо почувствовал, как Полина выдернула руку из тисков и побежала прочь.

– Я все равно найду тебя... – едва слышно прошептал я ей вслед, но не был уверен, что она поняла хоть слово. Дальше наступила мучительная темнота, ставшая началом конца.

Полина. Наше время...

Холодно. Мне было совершенно безосновательно холодно теплым летним днем, закутанной в три одеяла. Больно. Мне было совершенно безосновательно больно от безразличия человека, который сам для меня ничего не значит. Ну, или мне так хотелось думать...

В любом случае сейчас мне была нужна Таня с ее глупыми пошлыми анекдотами, часовыми разговорами ни о чем и заразительным смехом. Я была уверена, что, стоило всего лишь обнять девушку, мое внутреннее состояние стало бы лучше в сто раз. Я представляла, как рассказываю ей о Роберте и на душе уже становилось легче, словно я выкинула один из сотни камешков в реку, которые все это время держала в руках.

– И что он сделал после этого? – чудился мне ее недовольный голос, интонация которого грозила разорвать любого, кто причинит мне вред. – Он просто переспал с тобой в машине, а потом сделал вид, что ничего не было?

– Не совсем так... – растерянно ответила я бы ей. – Он отвез меня к себе и у самого входа сказал: "Иди!", а сам остался в машине. Кажется, это что-то значит... Я его чем-то задела...

Подруга бы обязательно закатила глаза и, недовольно покачав головой, заключила:

– Это говорит только о том, что твой мужик ходячая психологическая проблема. Поверь моему опыту в этом вопросе! Его бесчисленные скелеты в шкафу тебе и даром не нужны. И мы не в любовном романе живем, где юная героиня находит подход к неприступному тирану, затем его в себя влюбляет и живут они долго и счастливо... Тут дело не в любви даже, а в человеческом отношении и воспитании. Если Роберт не приучен к нежности, внимательности, учтивости, то это и не появится, даже если он влюбится. Он будет вести себя так же, как и сейчас, только мучить тебя своей ревностью и тотальным контролем. При этом позволяя себе измены! Оно тебе нужно? Беги, пока не поздно!

– Я не хочу, чтобы он влюбился в меня... – солгала бы я подруге и самой себе. – Мне хочется только вернуться в нашу уютную квартирку и продолжить свою выстроенную по крупицам жизнь. Как только он отпустит меня, я уйду и не буду проситься обратно. Роберт противен мне и безразличен.

– Ты противоречишь сама себе... – поддела бы меня Таня и, немного наклонившись вперед, заговорщически прошептала: – Ненависть – это тоже чувство. А это значит, что он тебе уже не безразличен.

Из внутренних дебатов меня выдернула Клавдия, зашедшая в комнату с доброжелательной улыбкой, чтобы предложить ванну. На ее лице появилась обеспокоенность, когда она увидела меня в махровой пижаме, надетой под банный халат, и закутанной, как новогодний рулет, в три дурых одеяла, найденных в шкафу "моей" комнаты.

– Детка, у тебя жар! – испуганно воскликнула она, как будто жар был не у меня, а у нее, и, поспешно вскочив с кровати, побежала прочь из комнаты. – Я за градусником и вернусь...

Как только она ушла, я закуталась с головой в одеяло и уснула. Не знаю, сколько прошло минут или часов, но разбудило меня резкое одергивание одеял и холодный сквозняк, вызывающий неприятные мурашки по всему телу.

Роберт возвышался надо мной с градусником и пристально сканировал мое лицо и тело.

– Сними халат, – жестко отдал команду он, заставляя вжаться в кровать еще сильнее. Но то, как устало он закатил глаза на мою поспешную реакцию, немного расслабило и заставило поверить, что очередного сексуального эксперимента никто со мной проворачивать не будет. Сегодня. – У тебя, очевидно, температура и нельзя кутаться, чтобы не поднимать ее еще выше.

– Я никогда не болела... – хрипло оправдывалась я, заставляя себя сесть на кровати и отвлечься от тянущего ощущения внизу живота, от боли в ягодицах и общей слабости. Еще не прошло и двух суток, как я нахожусь во власти этого человека, а уже разваливаюсь на ходу... Что же будет дальше?

Но халат я таки с себя стянула и снова плюхнулась на кровать, умирая от чудовищной мигрени.

– И эту зимнюю пижаму для полярников тоже, – сквозь полудрему услышала я и устало простонала, представив, сколько телодвижений придется сделать... Я знала, что просто так он от меня не отстанет, так что пришлось снова сесть на постели и гневно, насколько только было возможно в моем состоянии, посмотреть на Роберта, который уже протягивал мне легкую хлопковую пижаму, ранее находившуюся в моей сумке... – На улице тридцать градусов. Из твоих вещей только это подходит по погоде.

Мне хотелось нахамить ему, сказать, как сильно я его ненавижу и презираю, сделать так же больно, как и он мне, но... я была не в состоянии даже моргать, не говоря уже о спорах. Это все было отложено мною на потом, а пока я покорно приняла пижаму и поняла, что для смены одежды мне все же придется встать.

– С тобой одни проблемы! – гневно проворчал Роберт, и уже через секунду я стояла зажата между его ног, а он, сидя на кровати, принялся переодевать меня с холодностью хирурга в час важной операции. Его уверенные и ловкие движения во время смены одних штанов на другие, а затем и кофты на майку шли вразрез с тем, каким он был во время секса. Сейчас у меня было чувство, словно наши воображаемые отношения перешли на новый уровень, ведь забота не включена в стандартный пакет "Секс. Секс. И только секс". – Теперь ложись. Я побуду с тобой, пока не приедет доктор.

Роберт бережно уложил меня обратно на постель и укрыл тонким покрывалом. Пока я мерила температуру, он сверлил меня своим ничего не выражающим взглядом, от которого морозило и трясло еще больше, только вот сил и желания отвести взгляд от его бездонных глаз не было. Пребывая в подвешенном состоянии из-за высокой температуры, я разглядела в его глазах новую для себя глубину. Они напоминали мне прозрачную воду в глубоком океане –

достать до дна взглядом совершенно невозможно, нужно только нырять с головой. И никто не гарантирует тебе, что ты сможешь всплыть раньше, чем закончится кислород в легких...

– Ну что там? – я передала Роберту градусник, потому что руки тряслись и мелкие цифры на нем мне никак не удавалось разглядеть, очень надеясь, что он не будет пялиться на него целую вечность, а сразу скажет результат. В этом процессе было что-то по-детски увлекательное и... мне просто хотелось знать все здесь и сейчас. Температуру, на секундочку, я мерила пару раз в жизни, да и то только на медосмотрах. – Не молчи, а то я подумаю, что уже умерла.

– Я сейчас, – взяв вместе с собой мой градусник, он широкими шагами вышел из комнаты и, когда я погрузилась в сон, вошел снова, разбудив легким прикосновением к плечу. – Не спи. Доктор будет через десять или пятнадцать минут. Он сказал, что ты не должна спать.

"Ага... Значит, он звонит доктору и переживает за тебя!" – моментально среагировал мечтательный внутренний голос.

"Скорее всего, ему просто не нужен труп в доме", – отрезвил его здравый смысл.

– О чем вы говорили с Артемом во время танца? – внезапно спросил меня Роберт, и я отчаянно стала пытаться сосредоточить свой взгляд на нем, чтобы понять, вызван ли этот вопрос ревностью или желанием отвлечь ото сна. Но его маска снова не дала мне пробраться глубже, чем он позволил, и поэтому я просто честно ответила, желая убить время до прихода врача:

– Да о разном... Он сказал, если ты выгонишь его с работы, он подастся в танцоры и пойдет растанцовывать гостей в "РемНуар", – снова представив себе это в голове, я слабо рассмеялась и наткнулась на похолодевший взгляд Роберта. Провоцировать скандал не хотелось, так что я просто перевела тему: – Еще он рассказывал мне анекдоты, соль которых я не поняла, но смеялась из вежливости, чтобы не огорчить его.

– В следующий раз не бойся его огорчить, – отчеканивая каждое слово как мантру, сквозь зубы прошипел Роберт, а затем более спокойно сказал: – И не переходи на "ты" с малознакомыми людьми. Достаточно того, что они называют тебя по имени. Кажется, мы уже говорили об этом.

Мне хотелось спросить, ему-то какое дело. Но в комнату постучали, а уже через минуту в нее вошел врач.

Это было странно... Доктор, пришедший меня лечить, провел осмотр под четким надзором Роберта и, не сказав ни слова, сразу вышел, бросая мне лишь извиняющиеся и ничего не значащие улыбки. Все это бесило до колик в животе, и не будь я в предобморочном состоянии, то давно бы устроила бунт и снесла пару голов. Начала бы с главаря этого дома...

Все это напоминало мне американские фильмы про больных людей. Врачи приходят на обычный осмотр, а затем уводят родителей в другую комнату, чтобы сказать неутешительные новости. Но Роберт мне совершенно не отец, а я вполне себе взрослая девочка.

Мой воспаленный от высокой температуры мозг так сильно накрутил меня о возможном смертельном недуге, что, когда Роберт вошел в комнату с одноразовым шприцем и кучей лекарств, слезы брызнули из глаз и я испуганно вжалась в постель, представляя, как он произнесет любимую фразу киношников: "Мне нужно тебе кое-что сказать... Только не волнуйся!.."

– Неужели температура еще поднялась... – пробурчал он себе под нос, глядя на заплаканную меня, а затем, аккуратно сложив лекарства на прикроватном столике, положил ладонь на мой лоб.

Черт, я часто видела такое в фильмах, но никто и никогда не делал подобного со мной в реальной жизни... Никто не приносил таблетки, не вызывал врача, не пробовал температуру рукой. Глядя на его сосредоточенное лицо и как он пробует мои конечности на предмет внезапного охлаждения, я знала, что ему это ничего не стоит, но...

"С материальной точки зрения – да. Он мог бы купить тебе врача, сиделку, место в больнице. Но вот свое время... Разве непосредственный владелец "ZoMalia Industries" имеет его

так много, чтобы тратить на присмотр за постельной игрушкой?" – нашептывал мне внутренний голос, и, поверив в эту совершенно не обоснованную теорию, я улыбнулась, ловя на себе прищуренный и заинтересованный взгляд Роберта. Он словно пытался прочесть мои мысли, изучить истинные чувства, понять мою мотивацию... Все это было очень странно, так как мне всегда говорили, что все написано у меня на лбу и каждый может читать меня как открытую книгу. Неужели он не мог?

– Сейчас переворачивайся на живот, я уколою тебе антибиотик. К утру все должно пройти... – после этого мужчина, не дожидаясь моего ответа, просто перевернул меня и стянул податливую ткань шорт. Его прикосновения тело-предатель воспринимало по-своему – я тут же возбудилась, вытянувшись как струна и покрывшись мурашками. Мужчина же понял эту перемену по-своему: – Не переживай. На этот препарат ни у кого не может быть аллергии. Я все проверил. И расслабь попу, иначе будет больно. Я буду вводить препарат очень медленно, чтобы ты ничего не почувствовала... – почувствовав ладонь Шаворского у себя на ягодице, я зажмурила глаза и напряглась еще больше. – Черт, Полина... Какого хрена с тобой так сложно?

Его жесткие, уверенные, властные пальцы опустились на меня и принялись растирать, массировать, поглаживать, чтобы расслабить мышцу. В этот момент в голове все словно переключилось на новый режим – я перестала чувствовать головокружение, слабость, усталость... Был только Роберт и его руки...

Не знаю, виной этому была все еще воспаленная после порки кожа или флюиды, исходящие от мужчины, но тело превратилось в наэлектризованный нерв. Мне казалось, что каждая клеточка моего естества реагирует на него, словно принимая своего хозяина. И пусть он не был владыкой моего сердца, но телом он владел безоговорочно.

Наконец его руки замерли, и несколько мучительно долгих секунд я не чувствовала ничего. Но затем его рука не сильно шлепнула по моей ягодице, завершая этот чувственный ритуал, после чего он монотонно, не выражая никаких эмоций, сказал:

– Все. Теперь спи, мышка.

Вернув на место мою пижаму и слегка накрыв меня покрывалом, Роберт вышел, оставив на столе включенную лампу.

Мои внутренне "Я" разбилось на два лагеря. Первый умилялся внезапной заботе мужчины, который смотрел на меня все это время с самым холодным взглядом, на который был только способен человек. А второй находил в каждом его поступке логическое объяснение. Вызвал врача – не хотел труп в доме. Проверил антибиотики на предмет аллергии – это скорее его щепетильность и профессионализм виноваты. Вколол лекарство сам – значит... А вот тут у меня картинка не сходилась. Ведь есть же Клавдия, которая наверняка могла такое уметь, да и доктор был в доме, почему бы ему не заняться этой работой? Предположим, что он не хотел показывать посторонним мою исполосованную попу, но почему же тогда не задумывался об этом, когда вызвал стилиста на дом?

Размышляя над этими непростыми вопросами, я провалилась в удивительно спокойный и безоблачный сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.